

ბონდო არველაძე

პირველი მსოფლიო
საბრძოლო მსოფლიო
ისტორიდან, ანუ როგორ გადარდა
აკად. გ. ჩუბინაშვილი რამდენიმე
საბჭოთა მშენებელი

თბილისი
2000

**ერთი ეპიზოდი ქართული
ხელოვნებათმცოდნეობის
ისტორიიდან, ანუ როგორ გააწირა
აკად. ბ. ჩუბინაშვილი რამდენიმე
საბჭოთა მკვნიერმა**

Handwritten signatures and notes:
ჩუბინაშვილი
საქართველო
საქართველო
ბ. ჩუბინაშვილი
2000
29.11

БОНДО АРВЕЛАДЗЕ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ,
ИЛИ КАК НЕСКОЛЬКО СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ
ПРЕДАЛИ АКАД. Г.Н. ЧУБИНАШВИЛИ

K313.179

საქართველოს ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Тбилиси
2000

წიგნში წარმოდგენილია ახლად შეკვლეული საარქივო მასალა, რომლის მიხედვით ჩანს, რა მიუღებელი ზერხებით ებრძოდნენ აკად. გ. ჩუბინაშვილს აკად. ი. ორბელი, პროფ. ა. იაკობსონი და პროფ. ნ. ტოკარსკი, რათა არ გამოქვეყნებულიყო ქართველი მეცნიერის მონოგრაფია „ჯვარის ტიპის არქიტექტურული ძეგლები“, რომელშიაც თვალნათლივ არის ნაჩვენები ძველი ქართული ხუროთმოძღვრების გამორჩეული თავისებურებები და თვითმყოფადობა.

რედაქტორი:

ხელოვნებათმცოდნეობის დოქტორი,
პროფ. თ. სანიკიძე

წიგნის სპონსორია მაია ვახტანგაძე

В книге представлены недавно выявленные архивные материалы, из которых явствует, какими неприемлемыми методами боролись акад. И. Орбели, проф. А. Якобсон и проф. Н. Токарский против публикации монографии акад. Г. Чубинашвили "Памятники типа Джвари", в которой четко выявлены выдающиеся особенности и самобытность древнегрузинской архитектуры.

Редактор – доктор искусствоведения,
проф. **Т. Саникидзе**

Спонсор книги – **Майя Вахташгадзе**

საქართველოს რესპუბლიკის მეცნიერებათა აკადემიის არქივში აკად. ს. ჯანაშიას პირად ფონდში¹ დაცულია აკად. ი. ორბელის, პროფ. ა. იაკობსონის და პროფ. ნ. გოკარსკის მანქანაზე ნაბეჭდი რეცენზიები აკად. ზ. ჩუბინაშვილის მონოგრაფიაზე „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“. იქვეა აკად. ჩუბინაშვილის პასუხი (24 გვ.), რომლის ავტოგრაფი (55 გვ.) ინახება მეცნიერის ოჯახში. ამ საარქივო მასალის გაცნობამ დაგვარწმუნა, რომ, მიუხედავად იმისა, შათი დაწერიდან ნახევარ საუკუნეზე მეტი გავიდა, ამ რეცენზიებს ისტორიული და მეცნიერული მნიშვნელობა არ დაუკარგავს და დღესაც აქტუალურია მათში დასმული პრობლემები.

ზ. ჩუბინაშვილის ნაშრომის გამოცემა გათვალისწინებული ყოფილა მოსკოვში. ამიგომაც რეცენზიები დაწერილია საბჭოთა კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის საგამომცემლო საბჭოს დავალებით. ამ რეცენზიების „წყალობით“ ნაშრომი „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“ არ გამოვიდა მოსკოვში. წიგნი გამოსცა საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობამ 1948 წელს რუსულ ენაზე რედაქტორები: აკად. ივ. ჯავახიშვილი და აკად. ს. ჯანაშია. აქვე შევნიშნავ, ივ. ჯავახიშვილის და ს. ჯანაშიას მხრივ, ალბათ, ეს უფრო თანაღვრმა იყო, ვიდრე რედაქტორობის მძიმე გვირგვინი. ივ. ჯავახიშვილი და ს. ჯანაშია დიდად აფასებდნენ ზ. ჩუბინაშვილს. შათი რედაქტორობა უფრო იმას ნიშნავდა, რომ სამივეს ეროვნაირი აზრი ჰქონდათ ნაშრომში განხილულ პრობლემატიკაზე. ივ. ჯავახიშვილს რედაქტორობა არ დასცალდა. იგი 1940 წელს გარდაიცვალა. ასე, რომ რეცენზენტთა გააფრთხილებული წინააღმდეგობის მიუხედავად წიგნმა დღის სინათლე მაინც იხილა. ამ ხნის განმავლობაში (1939-1948) ნაშრომის შინაარსს არსებითი ცვლილება არ განუცვლია. მიუხედავად იმისა რეცენზენტებმა რბილად რომ ვთქვათ უარყოფითად შეაფასეს ზ. ჩუბინაშვილის ნაშრომი „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“, ისინი ცნობილი მეცნიერები იყვნენ და მათ რეცენზიებს ისტორიული და მეცნიერული მნიშვნელობა დღესაც არ დაუკარგავთ. ისინი განიხილავენ ქართული და სომხური ხუროთმოძღვრების საკითხებს. ამიგომ დაინტერესდი მათი შემდგომი ბედით. უპირველესად მივმართე ზ. ჩუბინაშვილის სამეცნიერო შრომის ბიობიბლიოგრაფიას (იხ. ვიორჯი ჩუბინაშვილი - 1885-1973, ბიობიბლიოგრაფია, შემდგენლები - ზ. ბარკაჯა, ე. დოლიძე, თბილისი 1977). ამ ბიობიბლიოგრაფიაში ზ. ჩუბინაშვილის „პასუხი“ არ აღმოჩნდა. შემდეგ მოვიძიე აკად. ი. ორბელის (1887-1961) სამეცნიერო შრომების ბიბლიოგრაფია (Иосиф Абгарович Орбели. Вступительная статья Б. Н. Аракеляна. Составители: Н. С. Власян, А. С. Манасарян, М. А. Бартикян (1908-1956). Издательство Академии наук Армянской ССР, Ереван, 1957). ამ ბიბლიოგრაფიაში ი. ორბელის აღნიშნული რეცენზია მათითებული არ არის. არ არის იგი არც ი. ორბელის გამოუქვეყნებული

1. ფონდი - 15, აღწერა - 1, შეს. კრი. 476.

მროშების ხიაში, რომელიც ბიბლიოგრაფიას ბოლოს ერთობ
 საშწუხაროდ, პროფ. ა. იაკობსონის და პროფ. ნ. გოკარსკის შრომების
 ბიბლიოგრაფიების არსებობის ფაქტზე ვერ დავადგინეთ. მაგრამ მაინც
 ხაზგასმით აღვნიშნავთ - შესაძლოა ამ რეცენზიებიდან ერთ-ერთი
 მათგანის პუბლიკაცია მოხდა საქართველოს გარეთ, მაგრამ ეს
 წინამდებარე კრებულის ისტორიულ და მეცნიერულ ღირებულებას ბევრს
 არას აკლებს, რადგან ასე ერთად, სრული სახით, შესავალი წერილით
 მკითხველი პირველად მიიღებს.

მათი გამოქვეყნება გადავწყვიტეთ იმიტომაც, რომ, როგორც
 აღვნიშნეთ, - ჯერ ერთი მათში დასმული პრობლემები დღესაც
 აქტუალურია; მეორე მკითხველი საზოგადოება გაეცნობა „ჯვარის
 გიჟის არქიტექტურული ძეგლების“ გამოცემის მეტად დრამატულ
 თავგადასავალს, რომელიც ნათლად გვიჩვენებს თუ რა დიდი
 წინააღმდეგობის დაძლევა უხდებოდა გ. ჩუბინაშვილს ახალი მეცნიერული
 კონცეფციის დასამკვიდრებლად. მის წინააღმდეგ გამოყენებული იქნა,
 როგორც მეცნიერული, ისე არამეცნიერული, არასაკადრისი ხერხებიც
 კი, რაც ამ რეცენზიებით კარგად ჩანს.

ამ საქმეში ნაკლებად ჩახედულ მკითხველს ბუნებრივია გაუჩნდებოდა
 კითხვა, მაინც რატომ გაილაშქრეს ასე სასტიკად და დაუნდობლად რუსმა
 და სომეხმა მეცნიერებმა გ. ჩუბინაშვილის აღნიშნული ნაშრომის
 გამოცემის წინააღმდეგ, იმდენად გაღიზიანებულან, რომ გ. ჩუბინაშვილს
 საქართველოს კომპარტიის ცეკამიც უწიველეს და მონოგრაფია „ჯვარის
 გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“ კავკასიის, კერძოდ ქართული და
 სომეხი ხალხის ძმობა-მეგობრობის წინააღმდეგ მიმართულ ნაშრომად
 გამოაცხადეს. უფრო მეტი ამ „დანაშაულის“ გამო გათვალისწინებული
 საბჭოთა კონსტიტუციის შესაბამისი მუხლიც მოიშველიეს, რაც ავტორის
 სისხლის სამართლის წესით დასჯას ითვალისწინებდა. მათი საქციელი
 აღაშინაური და მეცნიერული ეთიკის ყოველგვარ ნორმებს გაცილდა. გ.
 ჩუბინაშვილი ფაქტიურად გაწირეს. აქვე მკითხველს შევახსენებ, ი.
 ორბელი იყო საბჭოთა კავშირის მეცნიერებათა აკადემიის ნამდვილი
 წევრი, სანკ-პეტერბურგის (ყოფილი ლენინგრადის) მსოფლიოში
 განთქმული ერმიტაჟის დირექტორი და სომხეთის სსრ მეცნიერებათა
 აკადემიის პირველი პრეზიდენტი. ის ამ დროს შეუვალი ავტორიტეტით
 სარგებლობდა როგორც სამთავრობო, ისე სამეცნიერო წრეებში, თანაც
 არამარტო სსრ კავშირში, არამედ მის საზღვრებს გარეთაც. ასე რომ
 მასთან კამათი იოლი არ იყო. გ. ჩუბინაშვილმა გამოიჩინა ჩვეული
 აკადემიური სიღინჯე, არ აყვა ი. ორბელის და მისი თანაგუნდელი
 მეცნიერების გაღიზიანებულ, ცხარე ტონს და მეცნიერულად
 არგუმენტირებული, სოლიდური პასუხი გასცა მათ.

გ. ჩუბინაშვილს ეს ნაშრომი 1921 წელს დახრულებული ჰქონია, ხოლო
 დასაბუქლად საბოლოოდ გაუშვადებია 1927-1928 წლებში. „ჯვარის გიჟის
 არქიტექტურული ძეგლები“, ისე როგორც მონოგრაფია „წრომი“ გ.

ჩუბინაშვილს დაწერილი ქონდა გერმანულ ენაზე და მას თავდაპირველად ამავე ენაზე სურდა მისი გამოცემა. შემდეგ გერმანულ ენაზე საბჭოთა კავშირის შორის ურთიერთობა დაიძაბა და ახალი ნაშრომის („ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“) კი არა აღრე გამოცემული („წროში“ და სხვ.) განსაკუთრებით კი გ. ჩუბინაშვილის გერმანული განსწავლულობა დიდად სახიფათო შეიქმნა მისთვის – ძლივს გადაურჩა 37 წლის რეპრესიებს. ამიტომ გადაწყვიტა „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლების“ რუსულად გამოცემა. თუ რა მიზნით უნდოდა ქართველ მეცნიერს „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლები“ გამოცემა გერმანულად საზღვარგარეთ ამისათვის მას სერიოზული მიზეზი ქონდა.

გ. ჩუბინაშვილმა „ჯვარის გიჟის არქიტექტურული ძეგლებით“ საუბუქლოდ დაარღვია ქართული არქიტექტურის შესახებ დიდი ხნის განმავლობაში დამკვიდრებული მედარი შეხედულება მეცნიერებაში, რაც მდგომარეობდა შემდეგში – თითქოს ქართულ არქიტექტურას არ ქონდა საკუთარი სახე და თავისთავადობა. ამ უსაფუძვლო შეხედულებას სათავე დაუდო შეეიყარელმა სწაველელმა და მოგზაურმა ფრედერიკ დიუბუა-დუ-მონპრემ, რომელმაც 1833 წელს იმოგზაურა კავკასიაში, კერძოდ საქართველოში, აღწერა ქართული ხუროთმოძღვრული ძეგლები. საერთოდ ნაშრომი გამოსცა რამდენიმე გომად. დიუბუას მიხედვით ქართული არქიტექტურა თითქოს მოკლებულია დამოუკიდებელ მნიშვნელობას და ღირებულებას. ეს მედარი შეხედულება კიდევ უფრო განამტკიცა ვენელმა მეცნიერმა იოზეფ სტრიგოვსკიმ, რომელმაც 1918 წელს გერმანულ ენაზე გამოსცა ორგომიანი ნაშრომი სომხური არქიტექტურის შესახებ. იოზეფ სტრიგოვსკის მიხედვითაც ქართული არქიტექტურა არის ბიზანტიურისა და სომხურის განყოფილება, ახლი. ამ ყაღბმა თვალსაზრისმა, ისე მოიკიდა ფეხი სამეცნიერო წრეებში, რომ საწინააღმდეგო ამრის გამოთქმა ძლიერ ჭირდა.

გ. ჩუბინაშვილი იყო პირველი, ვინც არგუმენტებით გაილაშქრა ქართული ხელოვნების ჭეშმარიტი ისტორიის დამახინჯების წინააღმდეგ. მან 1922 წელს გამოაქვეყნა ვრცელი რეცენზია გერმანულად იოზეფ სტრიგოვსკის აღნიშნულ ნაშრომზე, რომელშიც დაამტკიცა, რომ სრულიად უსაფუძვლო და ყალბია სომხეთისა და საქართველოს ხელოვნების გაიგივება, ქართული ხუროთმოძღვრების სომხურის განშტოებად გამოცხადება. ამ მედარი ამრის დომინირებას ხელს უწყობდა ისიც, რომ ამ დროს არ იყო სრულყოფილად მოძიებული და აღწერილი ქართული ხუროთმოძღვრების ძეგლები. ამდენად, მათ ნაკლებად იცნობდა ფართო სამეცნიერო საზოგადოება, ხოლო ცნობილი და გამოშვიურებული ძეგლები არ იყო სათანადო მეცნიერულ დონეზე შესწავლილი. XX საუკუნის 20-იან წლებში გამოვიდა გ. ჩუბინაშვილი სამეცნიერო ასპარეზზე. მან ათეული წლების განმავლობაში დიდი მოთმინებით,

დაუმრეგელი ენერჯითა და რუღუნებით შეაგროვა და სხტემატიკაში მოიყვანა უამრავი მასალა, რაც მთავარია, მხატვრული და ისტორიული თვალსაზრისით პირველმა განიხილა იგი და შექმნა ქართული ეროვნული ხელოვნების მუცნიერულად გააზრებული ისტორია. გ. ჩუბინაშვილი თავისი გამოკვლევის („ჯვარის ტიპის ძეგლები“) მიზნის შესახებ ვარკვევით წერდა: „Группа церковей, составляющая предмет настоящего исследования, объединена определенным качеством одного общего типа и представляет, таким образом, определенно очерченный круг явлений. Древнейшим представителем этой своеобразной группы является большая церковь Креста Мцхетского, и - от него в непосредственной зависимости находятся все остальные представители. Вот почему явилось вполне естественным наименование всего типа именно по этому его первому выразителю. Крест Мцхетский являлся в древнейшую эпоху святыней не только национальной, грузинской, но святыней всех христиан Кавказа вообще - на поклонение ему и армяне совершали регулярно паломничества. Таким образом, становится психологически вполне понятным факт заимствования данной архитектурной формы и повторения ее в Армении“ (стр. 29).

შემდეგ გ. ჩუბინაშვილი განაგრძობს: „Именно при рассмотрении церковей этого типа возникло утверждение, базировавшееся на ложном представлении, будто архитектура Грузии и Армении является одним течением, в котором архитекторы Грузии только копируют, как ученики, - и притом столетиями - памятники Армении. Это утверждение ни на чем не основано, кроме как на неправильном понимании абсолютно недвусмысленных исторических данных. Таким образом, и по отмеченному частному вопросу настоящее исследование развивает впервые обоснованный взгляд, при этом совершенно отличный от распространенного до сих пор в литературе“ (стр. 31).

საკითხის ისტორიის სიმუხტისათვის აღვნიშნავთ, რომ ჯერ კიდევ გახული საუკუნის მეორე ნახევარში გამოითქვა მოსაზრება ქართული არქიტექტურის დამოუკიდებელი ფუნოზნის შესახებ. ეს აზრი ეკუთვნის რუს სწავლულს აკად. ნ. კონდაკოვს¹. მაგრამ ნ. კონდაკოვის მართებულმა აზრმა აღიარება ვერ მოიპოვა, ისე იყო ფესვადგმული დიუბუბასა და სხვათა მდარი შეხედულება სამუცნიერო წრეებში².

ქართული არქიტექტურის შესახებ ამგვარი ყალბი შეხედულების უარყოფის საქმეში გ. ჩუბინაშვილის დამსახურება და ღვაწლი შესანიშნავად აქვს ჩამოყალიბებული აკად. ვ. ბერიძეს: „გ. ჩუბინაშვილმა მცხეთის ტიპის ქართულ და სომხურ ძეგლთა დეტალური გამოკვლევის საფუძველზე, წარწერათა, მატიანეთა და მრავალი სხვა წერილობით

1. Древняя архитектура Грузии. Отд. отт. из "Древности. Труды Московского Археологического Общества", т. VI, Москва, 1876, с. 7-8.

2. См. В. Беридзе. Против искажения истории грузинского искусства, Тбилиси, 1949.

სახუთების მოშველებით, დაადგინა ძველთა ნამდვილი თარიღები, მათი ქრონოლოგიური თანამიმდევრობა, დაუკავშირა ისინი წინააღმდეგობის ძეგლებს. მან სრულიად მგვიცედ დაასაბუთა, რომ მცხეთის ჯვარი ვენიალური ნაწარმოები – არ შეიძლება ყოფილიყო შემთხვევითი, ნიადაგს მოწვევით მოვლენა, რომ ეს გიპი შემუშავდა თვით ქართული ხუროთმოძღვრების ხანგრძლივი წინა ევოლუციის მინაგანი, ორგანული განვითარების შედეგად. რაკი მცხეთის ჯვარი და მისი ჯგუფის სხვა ძეგლები მთელი ეპოქის ყველაზე დამახასიათებელი ნიმუშებია, მათ მიმართ, გამოცხადდა დასკვნა, ბუნებრივია, ვრცელდება მთელ ეპოქაზე და, აქედან ლოგიკურად, მთელ ქართულ ხუროთმოძღვრებაზე. ისტორიული კანონზომიერების ჩვენება კი თავისთავად აცლის ნიადაგს ლეგენდას, რომლის თანახმად, ჩუბინაშვილისავე სიგყვებით რომ ვთქვათ, „საძიებელი ფაქტი – ფორმა, მოვლენა და სხვა – მზამზარეულად შეთვისებულია სხვა კულტურული წრიდან, რომელიც რატომღაც „უმაღლესადაა“ (იგულისხმება სომხური არქიტექტურა – ბ. ა.) მიჩნეული თვით შესასწავლ ობიექტთან (იგულისხმება ქართული არქიტექტურა – ბ. ა.) შედარებით“¹.

მცხეთის ჯვარის გაძარი აგებულია 586/87–604/605 წწ. ვუარამის ძე სტეფანოს I ერისმთავრის დროს. ქართლის მმართველ ერისმთავართა ოჯახის წევრების მიერ. ჯვარის გიპი ე. ი. კუთხისოთახებიანი ტეტრაკონქი ცნობილია მარტო საქართველოსა და სომხეთში. საქართველოში მცხეთის ჯვარის გიპის ძეგლებია: აგენის სიონი, ძველი შუამთა, მარტვილი, ხოლო სომხეთში ვეხედება – ავანი, რიფსიმეს გაძარი, თარგმანჩაე-ვანჯი და აღიამანი. ეს სომხური ძეგლები ქრონოლოგიურად მცხეთის ჯვარის შემდეგაა აგებული...

გ. ჩუბინაშვილის „ჯვარის გიპის ძეგლების“ გამოსვლას არ გამოხმაურებია და ღუმლით შეხედნენ რუსი და სომეხი მეცნიერები. ღუმლიც ხომ პროტესტის ერთ-ერთი ფორმაა. საქართველოში კი გამოქვეყნდა აკად. ნ. ბერძენიშვილის რეცენზია (გაზ. „Заря Востока“, 1950, № 234, 18. X.). რეცენზენტმა ამ ნაშრომს მაღალი შეფასება მისცა და მკითხველ სამოგადოებას გააცნო გ. ჩუბინაშვილის ახალი მეცნიერული კონსეფცია ქართული არქიტექტურის შესახებ.

ამ ნაშრომის გამოსვლის შემდეგ გ. ჩუბინაშვილს მეცნიერული ინტერესი არ შეუნელებია სომხური არქიტექტურისადმი. ამის შედეგია; ვრცელი გამოკვლევა „Разыскания по армянской архитектуре“, Тбилиси, 1967². ნაშრომში მან კიდევ უფრო გააღრმავა და გააფართოვა თავისი კონსეფცია ქართული არქიტექტურის შესახებ და ამავე დროს არაერთი

1. ვ. ბერიძე, ვიორგი ჩუბინაშვილი, თბილისი, 1983, გვ. 35-36.

2. გ. ჩუბინაშვილი მაღალმატერულ არქიტექტურულ სომხურ ძეგლებზე პატივისცემით, სიყვარულით წერდა და არასდროს დაუმცირებია ისინი, როგორც ზოგიერთი მეცნიერი ფიქრობს. ამის ნიმუშად გამოდგება მისი ხსენებული მონოგრაფია („Разыскания по армянской архитектуре“, Тбилиси, 1967).

სომხური ხეროთმოძღვრების ძველი საფუძვლიანად გადაათარღობა ნაშრომმა სომეხ მეცნიერთა ძლიერი ვნებათაღელვა გამოიწვია. ერსტანს მისი გამოცემა შეაჩერეს. მაგრამ ვაიმარჯვა ჯანსაღმა აზრმა და წიგნი გამოვიდა. ხაოცარია, მაგრამ ფაქტია, სომხური ხეროთმოძღვრების ისტორიის მკვლევარებს არაფრით არ სურთ შევეგონ დიუბუს და ხგრიგოვსკის მოსაზრებათა დასამარებას. ამ მხრივ აქტიურობით გამოირჩევიან: მ. არაქელიანი, ვ. არუთინიანი და კ. მნაცკიანი, რომლებმაც ვრცელი ნაშრომი მიუძღვნეს ზ. ზუბინაშვილის მოსაზრებათა კრიტიკას. იხ. – „О некоторых вопросах истории армянской архитектуры“, Ереван, изд-во АН Арм. ССР, 1969. Еремян А. Б. “К вопросу о датировке кафедральной церкви в Аване”, Вестник обществ. наук Арм. ССР, Ереван, 1969, т. 3, с. 47-62. ამჯერადაც თავი გამოიჩინა და არ დააყოვნა კრიტიკა პროფ. ა. იაკობსონმაც (იხ. ჟურნ. „Сов. археология“ 1968. № 3. с. 262-270), ამ ერთობლივ ავრეხიულ შემოგვევას აკად. ზ. ზუბინაშვილმა უპასუხა ჩვეული სიღრმეით – Ответ рецензентам (А. Л. Якобсону и др. по поводу книги “Разыскания по армянской архитектуре”, Тбилиси, 1967. “Мацნა”, “Вестник отд. обществ. наук АН Груз. ССР, 1969, №4, с. 2-3-216).

აღსანიშნავია, ის ფაქტი, რომ პროფ. ნ. ტოკარსკი განსაკუთრებით გამოირჩეოდა ქართული ხეროთმოძღვრებისადმი აქტიური არაობიექტური დამოკიდებულებით. მან გამოსცა წიგნი „Архитектура древней Армении“, отв. редактор И. А. Орбели, Ереван, 1946¹. პროფ. ნ. ტოკარსკის ამ წიგნის მკაცრი და სამართლიანი კრიტიკით გამოვიდა აკად. ხ. ჯანაშია „Об одном примере искажения исторической правды“.

1. ბოლო ხანებში გამოქვეყნებული საარქივო მასალიდან ისე ჩანს, თითქოს აკად. ი. ორბელი წინააღმდეგი იყო ნ. ტოკარსკის ამ მონოგრაფიის გამოქვეყნებისა. ეს ცნობა უნახუთ ცნობილი არქეოლოგის ვ. ლომთათიძის წერილში, რომელიც მას მოსკოვიდან გამოუგზავნა აკად. ხ. ჯანაშიასათვის – „ხშირად ვხედავდი ლონგო სუმბაქს (არქიტექტორი და ძველი ქართული ხეროთმოძღვრების მკვლევარი, ბ. ა.). მისგან ვავიგე, რომ მოსკოვის სათანადო დაწესებულებანი უკვე საკმარისად არის გადუნითილი თქვენი „ანტიტოკარსკინით“. სხვათა შორის ჩემსობას მიიღო ННМК-ს ბიბლიოთეკამ 3 ცალი „Заря Востока“ საგან. (ფულისხმება ხ. ჯანაშიას ნაშრომი – „Об одном примере искажения исторической правды“. – ბ. ა.). ამ ცოტა ხნის წინ ორბელი ფოფილა მოსკოვის არქიტექტურის აკადემიაში და განუცხადებია, რომ იგი იმთავითვე წინააღმდეგი იყო ტოკარსკის წიგნისა („არსებობს სათანადო წერილობითი საბუთები“), რომ მას არ დაუჯერეს და უფრო მეტიც მისი გვარი მოაწერეს, როგორც რედაქტორისა... და რომ... აკად. ხ. ჯანაშია უდავოდ მართალია – თქვენ რა თქმა უნდა, კომენტარები არ დაგვირდებათ, ბ-ო სიმონ, იღონდ ეს კია, რომ ამის შემდეგ აკადემიაში მოკალათებულ ჩვენ მოძმეებს დიამეტრულად შეუცვლიათ თავის პოზიცია და დაუცმათ მკრეხელი. ხოლო სათანადო ინსტიტუტის დირექციას ვეგმიდან ამოუფხვკია ტოკარსკის თემა და საერთოდ მისი გვარი. (იხ. ჟურნ. „მნათობი“ 1999, №5-6, გვ. 146 – გიორგი ლომთათიძის წერილები, პუბლიკაცია ეკუთვნის რ. ჯანაშიას).

თბილისი, 1947. ეს მონოგრაფია ნ. გოკარსკიმ მუორედ გამოაქვეყნა ერევანში („Архитектура Армении IX-XIV вв.“, 1961). სომხურ და სომხური არქიტექტურის ძეგლებად გამოაცხადა გაოს ძირძველი ქართული მიწა და იქ არსებული ქართული ხუროთმოძღვრების დიდებული ძეგლები...

ბოლო ათეულ წლებში მათ მხარში ამოუდგა პ. შურადიანი, რომელიც ცნობილია სუბიექტივისტური, ცალმხრივი და გენდენციური ქართველოლოგიური ნაშრომებით. ამჯერად მათზე არ შევჩერდებით. ერთს კი ვიცევით, პ. შურადიანმა არ უღალატა ჩვეულებას და გამოაქვეყნა კვლავ გენდენციური გამოკვლევა „Армянская надпись храма Джвари“, Вестник обществ. наук АН Арм. ССР, N2, с. 55-58, რომელიც შეიგანა წიგნში – „Армянская эпиграфика Грузии. Картли и Кахети, 1985, стр. 14“.

ეს ნაშრომი მცხეთის ჯვარის გაძრის „გასომხურების“ მორიგი წარმადგებელი და ამათ ცდაა, რაც ნათლად ცხადყვეს – პროფ. ილ. აბულაძემ – „Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна "Армянская надпись храма Джвари", "Мацнэ“, 4, 1968, стр. 171-189. მ. ლორთქიფანიძე – „К вопросу о надписях храма Джвари Мцхета“ - "Мацнэ“, 1968, № 4, с. 190-200 და სხვა მკვლევარებმა.

ამრიგად, აკად. გ. ჩუბინაშვილმა თავისი მონოგრაფიით მცხეთის ჯვარის გიპის ძეგლების შესახებ და უამრავი სხვა ნაშრომით საფუძვლიანად უარყო ადრე გავრცელებული მცდარი აზრი ქართული ხუროთმოძღვრების არათავისთავადობის შესახებ და ჩამოაყალიბა ახალი მეცნიერული შეხედულება, რომლის მიხედვითაც ქართულ მდიდარ არქიტექტურას კუთვნილი დამოუკიდებელი ადგილი მიუჩინა წინა აღმოსავლეთის და კავკასიის ქრისტიანულ ხელოვნებაში.

ამ მოკლე მიმოხილვის შემდეგ, მკითხველს ალბათ, არ გაუჭირდება იმის წარმოდგენა, თუ რატომ ვაღიმიანდნენ და გაილაშქრეს ასე გააფთრებით გ. ჩუბინაშვილის წიგნის – „ჯვარის გიპის არქიტექტურული ძეგლების“ გამოცემის წინააღმდეგ აკად. ი. ორბელმა, პროფ. ა. იაკობსონმა და პროფ. ნ. გოკარსკიმ, რომელთა რეცენზიებს საარქივო მასალის სახით ვაქვეყნებთ¹.

ბ. არველაძე

1. საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის არქივში მუშაობის დროს გულისხმავრი დახმარება გაკვიწია არქივის თანამშრომელმა ქალბატონმა ლამარა დიასამიძემ, რისთვისაც დიდ მადლობას მოვასხენებო.

В архиве Академии наук Грузии, в личном фонде¹ акад. С. Джанашиа хранятся напечатанные на машинке рецензии акад. И. Орбели, проф. А. Якобсона и проф. Н. Токарского на монографию акад. Г. Чубинашвили "Архитектурные памятники Джварского типа". Там же находится ответ акад. Г. Чубинашвили (24 стр.), автограф которого (55 стр.) пребывает в семье ученого.

Ознакомление с этими архивными материалами убедило нас, что, несмотря на полвека, прошедшие со времени написания, рецензии не утратили исторического и научного значения и поставленные в них проблемы сохраняют актуальность и ныне.

Издание труда Г. Чубинашвили предполагалось в Москве. Поэтому рецензии написаны по поручению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР. Однако "по милости" этих рецензий труд "Архитектурные памятники Джварского типа" в Москве выпущен не был. Книга на русском языке вышла в 1948 г. в Издательстве Академии наук Грузии под редакцией акад. Ив. Джавахишвили и акад. С. Джанашиа. Отмечу здесь же, что со стороны Ив. Джавахишвили и С. Джанашиа это была скорее поддержка единомышленника, нежели просто редактирование. Ив. Джавахишвили и С. Джанашиа высоко ценили Г. Чубинашвили как ученого. И их участие в качестве редакторов книги означало и подчеркивало общую позицию всех трех ученых по отношению к рассмотренной в труде проблематике. Акад. Ив. Джавахишвили и дожидаться выпуска книги не довелось, в 1940 г. он скончался. Но книга, несмотря на яростное противодействие и сопротивление рецензентов, все же увидела свет. На протяжении нескольких лет (1939–1948) содержание труда существенных изменений не претерпело. Несмотря на то, что рецензенты дали труду Г. Чубинашвили "Архитектурные памятники Джварского типа" оценку, мягко говоря, отрицательную, статьи известных ученых сохраняют историко-научное значение и по сегодня, поскольку в них рассмотрены многие вопросы грузинского и армянского зодчества. Я заинтересовался их судьбой и первым долгом обратился к биобиблиографии научных трудов Г. Чубинашвили (См. Г. Чубинашвили (1885–1973). Биобиблиография. Составители Г. Баркава, Е. Долидзе. Тбилиси, 1977). В этой "Библиографии" "Ответ" Г. Чубинашвили на рецензии не указан. Далее я просмотрел библиографию научных трудов акад. И. Орбели (1887–1961) (Иосиф Абгарович Орбели. Вступительная статья Б. Н. Аракеляна. Составители Н. С. Власян, А. С. Манасарян, М. А. Бартикян (1908–1956). Издательство Академии наук Армянской ССР. Ереван, 1957). В этой библиографии рассматриваемая рецензия акад. И.

1. Фонд 15, описание I, единица хранения 476.

Орбели также не отмечена. Не числится она и в списке неопубликованных трудов И. Орбели, приложенном в конце библиографии. К сожалению, факта существования библиографий трудов проф. А. Якобсона и проф. Н. Токарского установить не удалось. Осторожности ради подчеркнем, что публикация какой-либо из указанных рецензий могла состояться за пределами Грузии, что, однако, для историко-научной ценности предлагаемого сборника особого значения не имеет, поскольку в столь полном виде, в совокунности, со вступительной статьей читатель получает эти материалы впервые. Опубликовать их я решил и потому, что, как уже отмечалось, во-первых, поставленные в них проблемы сохраняют свою актуальность и сегодня, и, во-вторых, читательская общественность познакомится с достаточно драматической историей издания "Архитектурных памятников Джварского типа", наглядно свидетельствующей о том, какие значительные противоречия приходилось преодолевать Г. Чубинашвили для утверждения своей новой научной концепции. Против него были использованы как научные, так и ненаучные, недостойные методы, что прекрасно видно из рецензий.

У недостаточно хорошо знакомого с обстоятельствами дела читателя, естественно, может возникнуть вопрос, почему российские и армянские ученые так жестоко и непримиримо ополчились против публикации именно рассматриваемого труда Г. Чубинашвили. Раздражение было столь велико, что на Г. Чубинашвили была направлена жалоба в ЦК Компартии Грузии и монография "Архитектурные памятники Джварского типа" была объявлена трудом, направленным против братства и дружбы кавказских, в частности грузинского и армянского, народов. Более того, была призвана на помощь соответствующая "преступлению" статья Конституции СССР, предполагавшая возможность подвергнуть автора уголовному наказанию. Поступок этот выходил за пределы каких бы то ни было норм человеческой и научной этики. Ученого фактически предали. Напомню, кстати, читателю, что И. Орбели являлся действительным членом Академии наук СССР, директором всемирно известного Санкт-Петербургского (бывш. Ленинградского) Государственного Эрмитажа и первым Президентом Академии наук Армянской ССР. В то время он пользовался непререкаемым авторитетом как в правительственных, так и в научных кругах, к тому же не только в СССР, но и за его пределами. Так что спорить с ним было отнюдь не легко. Г. Чубинашвили проявил свойственное ему академическое спокойствие, не поддался раздраженному, острому тону И. Орбели и ученых его круга и дал им научно-аргументированный, солидный ответ.

Рассматриваемый труд Г. Чубинашвили был завершен им в 1927 году, окончательно подготовлен к печати в 1927-1928 гг. Работа "Архитектурные памятники Джварского типа", так же, как и монография "Цроми", была написана Г. Чубинашвили на немецком языке, и вначале он намеревался на этом языке ее издать, но возникшая между Германией и Советским Союзом напряженность не только не способствовала изданию нового труда ("Архитектурные памятники Джварского типа"), но и ранее выпущенные книги ("Цроми" и др.) и особенно подготовленность ученого на немецком языке оказались чрезвычайно опасными для него – он едва избежал известной участи в 1937 году. Это подтолкнуло его к решению опубликовать "Архитектурные памятники Джварского типа" на русском языке. Для издания "Архитектурных памятников Джварского типа" именно на немецком языке за границей у грузинского ученого имелись серьезные причины...

Трудом "Архитектурные памятники Джварского типа" Г. Чубинашвили в корне разрушил укоренившийся на протяжении долгого времени в науке ошибочный взгляд, заключавшийся в том, будто бы у грузинской архитектуры не было собственного лица и она была лишена самобытности. Начало этому безосновательному взгляду положил швейцарский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа-де-Монпери, который в 1833 г. предпринял поездку по Кавказу, в частности по Грузии и охарактеризовал грузинские архитектурные памятники. Описание своей поездки он выпустил в нескольких томах. Исходя из Дюбуа, грузинская архитектура не располагает самостоятельной ценностью и значением. Этот ошибочный взгляд был еще глубже подтвержден ученым из Вены Иозефом Стриговским, выпустившим в 1918 г. на немецком языке двухтомный труд об армянской архитектуре. По Иозефу Стриговскому, грузинская архитектура также повторение, копия византийской и армянской. Эта ложная точка зрения настолько утвердилась в научных кругах, что высказывать противоположный взгляд было очень нелегко.

Г. Чубинашвили был первым, кто аргументированно выступил против искажения подлинной истории грузинского искусства. В 1922 г. он опубликовал на немецком языке обширную рецензию на упомянутый труд Иозефа Стриговского, в которой доказал, что отождествление армянского и грузинского искусства, объявление грузинской архитектуры ответвлением армянской носят безосновательный и ложный характер. Доминированию подобной ошибочной концепции способствовало и то, что к этому времени памятники грузинской архитектуры еще не были полностью выявлены и описаны. Широкая научная общественность была недостаточно с

ними знакома, а известные и выявленные памятники подверглись изучению на соответствующем научном уровне. В 20-е гг. XX в. на научном поприще выступил Г. Чубинашвили. На протяжении последующих десятков лет он терпеливо, с неиссякаемой энергией и тщательностью собирал и систематизировал огромный материал и, что самое главное, первым исследовал его с художественной и исторической точки зрения и создал научно-обоснованную историю грузинского национального искусства. Акад. Г. Чубинашвили ясно и отчетливо формулировал целевую установку своего исследования "Архитектурные памятники Джварского типа": "Группа церквей, составляющая предмет настоящего исследования, объединена определенным качеством одного общего типа и представляет, таким образом, определенно очерченный круг явлений. Древнейшим представителем этой своеобразной группы является большая церковь Креста Мцхетского, и от него в непосредственной зависимости находятся все остальные представители. Вот почему явилось вполне естественным наименование всего типа именно по этому его первому выразителю. Крест Мцхетский являлся в древнейшую эпоху святыней не только национальной, грузинской, но святыней всех христиан Кавказа вообще – на поклонение ему и армяне совершали регулярно паломничества. Таким образом, становится психологически вполне понятным факт заимствования данной архитектурной формы и повторения ее в Армении" (стр. 29).

Далее акад. Г. Чубинашвили продолжает: "Именно при рассмотрении церквей этого типа возникло утверждение, базировавшееся на ложном представлении, будто архитектура Грузии и Армении является одним течением, в котором архитекторы Грузии только копируют, как ученики, - и притом столетиями – памятники Армении. Это утверждение ни на чем не основано, кроме как на неправильном понимании абсолютно недвусмысленных исторических данных. Таким образом, и по отмеченному частному вопросу настоящее исследование развивает впервые обоснованный взгляд, при этом совершенно отличный от распространенного до сих пор в литературе" (стр. 31).

Для уточнения истории вопроса отметим, что еще во второй половине прошлого века было высказано соображение о независимом феномене грузинской архитектуры. Эта мысль принадлежит русскому ученому, акад. Н. Кондакову¹. Но справедливая мысль Н. Кондакова не нашла признания, настолько укоренились в научных трудах ложные взгляды Дюбуа и других². Заслуга и вклад акад. Г. Чубинашвили в

1. Древняя архитектура Грузии. Отдельный оттиск из "Древности. Труды Московского Археологического общества". Т. VI, Москва, 1876, с. 7-8.

2. См. В. Беридзе. Против искажения истории грузинского искусства. Тбилиси, 1949.

дело отрицания подобных ложных взглядов на грузинскую архитектуру прекрасно определил акад. В. Беридзе: "Г. Чубинашвили на основании детального исследования грузинских и армянских памятников мцхетского типа, с привлечением данных надписей, летописей и многих других письменных документов, установил подлинные датировки памятников, их хронологическую последовательность, связал их с памятниками более ранних этапов. Он совершенно твердо доказал, что мцхетский храм Креста, гениальное произведение, не мог быть случайным, оторванным от почвы явлением, что этот тип был выработан в результате длительного, эволюционного, внутреннего, органического развития самого грузинского зодчества. Поскольку мцхетский Крест и другие памятники его группы являются наиболее характерными образцами всей эпохи, вынесенное по отношению к ним заключение, естественно, распространяется на всю эпоху и, как дальнейшее логическое развитие, на все грузинское зодчество.

Между тем данные исторической закономерности сами по себе лишают почвы легенду, согласно которой, говоря словами самого же Г. Чубинашвили, "искомые факты – форма, явление и др. – в готовом виде заимствованы из других культурных кругов, которые почему-то признаны "высочайшими" (подразумевается армянская архитектура. - Б. А.) по сравнению с самим исследуемым объектом (подразумевается грузинская архитектура. - Б. А.)"¹.

Храм Мцхетского Креста был возведен в 586/87–604/605 гг., во времена эрисмтавара-владельца Стефаноза I, сына Гуарама, для членов семьи управителей Картли, эрисмтаваров. Тип Креста, т. е. тетраконх с угловыми помещениями, известен только в Грузии и Армении. В Грузии к типу мцхетского Креста относятся памятники - Атецкий Сион, Старая Шуамта, Мартвили, в Армении же - Аван, храм Ринсима, Таргманчац-Ванк и Адиаман. Хронологически эти армянские памятники возведены после Мцхетского Креста!..

Выход книги Г. Чубинашвили "Памятники Джварского типа" российские и армянские ученые встретили молчанием и не откликнулись на него. Но ведь и молчание является одной из форм протеста. В Грузии же была опубликована рецензия акад. Н. Бердзенишвили (газ. "Заря Востока", 1950, N 234, 18.X). Рецензент дал труду высокую оценку и ознакомил читательскую общественность с новой научной концепцией Г. Чубинашвили по грузинской архитектуре.

После выхода этого своего труда Г. Чубинашвили не утратил научного интереса к армянской архитектуре. Результатом этого явилось обширное исследование "Разыскания по армянской архитектуре" (Тбилиси, 1967). В этом труде он углубил и расширил свою концепцию грузинской архитектуры и в то же время

1. В. Беридзе. Георгий Чубинашвили. Тбилиси, 1983, с. 35-36.

основательно передатировал не один памятник армянского зодчества. Этот труд вызвал взрыв страстей армянских ученых. На некоторое время его выпуск приостановили. Но здоровая мысль победила, и книга вышла. Поразительно, но факт, что исследователи истории армянского зодчества никак не могут примириться с устранением соображений Дюбуа и Стриговского. С этой стороны особой активностью отличаются Г. Аракелян, В. Арутюнян и К. Мнацаканян, посвятившие обширный труд критике концепции Г. Чубинашвили. См. "О некоторых вопросах истории армянской архитектуры", Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1969, а также: А. Б. Еремян. К вопросу о датировке кафедральной церкви в Аване. "Вестник общественных наук Армянской ССР", Ереван, 1969, том III, с. 47-62. Критика со стороны проф. А. Якобсона не замедлила прозвучать и на сей раз (см. журн. "Советская археология", 1968, N3, с. 262-270). На этот общий агрессивный натиск акад. Г. Чубинашвили ответил со свойственной ему сдержанностью статьей "Ответ рецензентам" (А. Л. Якобсону и другим по поводу книги "Разыскания по армянской архитектуре", Тбилиси, 1967)", "Мацнэ". Вестник отделения общественных наук АН Грузинской ССР, 1969, N4, с. 203-216.

Следует отметить, что наиболее необъективным отношением к грузинскому зодчеству выделялся проф. Н. Токарский. Он выпустил книгу "Архитектура древней Армении" (ответственный редактор И. А. Орбели. Ереван, 1946)². С жесткой и справедливой критикой

1. Некоторые ученые выдвигают против Г. Чубинашвили обвинение в том, будто он дает субъективные оценки некоторых армянских памятников архитектуры, что нам представляется не соответствующим действительности. Памятник армянского зодчества, ставший предметом его исследования, он оценивает, не умаляя, но и не преувеличивая его значения. Примером такого отношения может служить эта его монография (Разыскания по армянской архитектуре, Тбилиси, 1967).

2. По опубликованным в последнее время архивным материалам создается впечатление, будто бы акад. И. Орбели был против выпуска этой монографии Н. Токарского. Это сведение мы извлекли из письма известного археолога Г. Ломтатидзе, который выслал ее из Москвы акад. С. Джанашиа: "Часто виделся с Лонго Сумбадзе (архитектор и исследователь древнегрузинского зодчества. - Б. А.) и узнал от него, что соответствующие учреждения в Москве уже достаточно прониклись вашей "антитокарской" позицией. Между прочим, при мне библиотека НИИК получила от "Зари Востока" три экземпляра (подразумевается статья С. Джанашиа "Об одном примере искажения исторической правды". - Б. А.). Недавно в Московскую Академию архитектуры приходил Орбели и заявил, что с самого начала был против выпуска книги Токарского ("существуют, мол, соответствующие письменные документы"), но его не послушались и, более того, даже вписали его фамилию как ответственного редактора... и что акад. С. Джанашиа безусловно прав... Вам, конечно, комментарии не нужны, уважаемый Симон, но правда то, что после этого наши собратья, пристроившиеся в Академии, диаметрально изменили свою позицию и заклеили кошку. А дирекция соответствующего института выбросила из плана тему Токарского и вообще его имя" (см. журн. "Мнацоба", 1999, N5-6, с. 146. Переписка Георгия Ломтатидзе, Публикация Р. Джанашиа).

выступил акад. С. Джанашиа ("Об одном примере искажения исторической правды", Тбилиси, 1947). Повторно Н. Токарский выпустил свою монографию в Ереване (Архитектура Армении IX-XIV вв., 1961). Он объявил армянской землей и армянскими памятниками архитектуры ископаемую грузинскую землю Тао и имеющиеся там великолепные образцы грузинского зодчества.

В последние десятилетия в поддержку ему выступает П. Мурадян, известный своими субъективными, односторонними и тенденциозными картвелологическими трудами. На сей раз мы на них останавливаться не будем, но отметим, что П. Мурадян не изменил своему обыкновению и опубликовал по-прежнему тенденциозное исследование "Армянская надпись храма Джвари" ("Вестник общественных наук АН Армянской ССР", 1968, N2, с. 55-58), которое включил и в книгу "Армянская эпиграфика Грузии. Картли и Кахети" (1985, стр. 14). Этот труд армянского автора – очередная безуспешная и тщетная попытка "арменизации" храма Креста, что наглядно доказали проф. Ил. Абуладзе ("Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна "Армянская надпись храма Джвари". Журн. "Мацнэ", N4, 1968, с. 171-189), М. Лордкипанидзе ("К вопросу о надписях храма Джвари в Мцхета". Журн. "Мацнэ", 1968, N4, с. 190-200) и другие исследователи.

Таким образом, акад. Г. Чубинашвили своей монографией о памятниках типа Мцхетского Джвари и множеством других трудов подверг основательной критике и отверг ошибочную мысль о несамобытности грузинского зодчества и сформировал новый научный взгляд, по которому богатой грузинской архитектуре отводилось достойное независимое место в христианском искусстве Ближнего Востока и Кавказа.

После данного краткого обзора читателю, видимо, не трудно будет составить представление о том, чем было вызвано раздражение и яростное противодействие выпуску книги Г. Чубинашвили "Архитектурные памятники Джварского типа" со стороны акад. И. Орбели, проф. А. Якобсона и проф. Н. Токарского, рецензии которых мы публикуем в виде архивного материала¹.

Б. Арвеладзе

¹. При работе в Архиве Академии наук Грузии отзывчивую помощь нам оказала сотрудница Архива госпожа Ламара Диасамидзе, за что мы выражаем ей глубокую благодарность.

ПО ПОВОДУ РАБОТЫ Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ "ПАМЯТНИКИ ДЖВАРСКОГО ТИПА"

Памятники Джварского типа уже служили предметом исследования и издавались в ряде работ, в том числе – в работах Г. Чубинашвили. Можно было ожидать, что автор в настоящем, притом очень обширном (ок. 20 печ. л.) исследовании пойдет дальше того, что уже сделано, и даст исследование памятников на широком фоне исторической жизни Закавказья, проследит **весь** процесс архитектурного творчества Закавказья, в частности Грузии, **во всем его разнообразии**.

Но, видно, не таковы были задачи и цели автора.

В настоящем, самом **предварительном**, отзыве мы отметим лишь самое основное и важное:

1. Прежде всего – сама **тема** исследования. Автора, видимо, интересует не история архитектуры, как **исторический процесс**, который может быть рассматриваем только при учете **всего** архитектурного творчества того или иного периода, а **отдельные** архитектурные композиции. Следовательно, сама тема этого обширного исследования указывает на формальный подход автора к изучению архитектурного творчества грузинского народа.

2. Далее, из первых же строк работы явствует, насколько порочна общая концепция автора, видящего в искусстве Грузии "обособленное явление" (стр. II). Признавая на словах необходимость исследования культурных **связей**, вне которых, конечно, нельзя рассматривать грузинскую архитектуру, автор, однако, в самом же начале попросту отменяет эти вопросы, как не входящие в круг его задачи, это, конечно, не случайно, ибо вполне соответствует взгляду его на грузинское искусство, как на "**явление обособленное**". Для любого исторического исследования и, в частности, для художественно-исторического, – такое отношение совершенно недопустимо.

3. Далее, автор совершенно не ставит перед собой вопросов **социальных**, вне которых, очевидно, нельзя рассматривать возникновение и бытование тех или иных композиционных решений, ибо возникновение и жизнь их обусловлены именно **общественными** потребностями. Для автора же все дело сводится к имманентному "внутреннему росту" и к "приспособлению к новым задачам христианского храмового зодчества" (стр. IV), а то и вовсе к туманному "психологически-необходимому развитию" (стр. 10!).

Спрашивается, чем же вызваны эти задачи "приспособления"? Судя по работе, эти вопросы автор оставляет в стороне.

4. Особо много внимания и настойчивости автор проявляет в вопросе о взаимоотношениях архитектуры Грузии и Армении, причем вовсе не потому, что эти связи ему важны для раскрытия процесса развития зодчества Грузии и Армении, а только для того, чтобы доказать весьма сомнительный и тенденциозный тезис о **художественной незрелости** ранне-средневековой архитектуры Армении VII в. и ее полной зависимости от архитектуры Грузии. Автор указывает на "предвзятость" некоторых выводов, которые, дескать, "основываются на скороспелых теоретических построениях" (стр. 7), в частности на том, что зодчество Грузии и Армении в тот период (VII в.) представляет собой одно лишь течение. Но автор снешит это "скороспелое построение" заменить другим, не столько "скороспелым", сколько тенденциозным, заключением об архитектуре Армении как подражании архитектуре Грузии. Уверенность автора в полной обоснованности его выводов (о чем не раз говорится в работе) не намного увеличивает их убедительность. Автор особенно рьяно отстаивает этот тезис. Метод его доказательства крайне прост и заключается в безапелляционном утверждении о бездарности армянских зодчих, несовершенстве их произведений, неграмотности, бесталанности их и т. д. Едва только заходит речь об армянских памятниках, со страниц работы низвергаются целые потоки укоров по адресу армянских зодчих: то они "не справились со своей задачей" (стр. 96), то им "не удалось благоприятно разрешить проблему" (стр. 96) и т. д. Причем самую "проблему", которую они столь "неумело решали", ставили-то, собственно, не армянские зодчие, а сам автор, ибо для всякого непредубежденного зрителя, а тем более историка архитектуры, должно быть совершенно ясно, что зодчий ц. Рипсиме никогда не ставил перед собой задачи дать единый, не расчлененный фасад. Наоборот, его задача в разработке фасадов заключалась в адекватном наружном выражении внутренней производственной композиции и, в частности, выражении внутренних полукружий посредством наружных ниш по сторонам этих полукружий. Таким же путем автор по сути дела фальсифицирует армянскую средневековую архитектуру. Столь же решительно автор критикует ц. на острове Ахтамара (X в.), где ничего, кроме декорации, он не заметил. Четкое наружное выявление внутренних объемов, как дальнейший этап разработки композиции Джвари-Рипсиме, автор изображает как создание "игрушечных" форм (стр. 99).

Далее, ц. сел. **Мастара**, типичнейший памятник VIII в., на основании "архитектурно-художественного анализа", который-таки отсутствует, автор силком уводит в конец IX в., устанавливая "ассимиляцию и влияние" на этот памятник – ц. Джвари. Но и после этого ц. в

Мастаре не удовлетворяет Чубинашвили: он видит в памятнике унижение Джвари (стр. 102-103).

Далее, ц. в Аване характеризуется, как "неуклюжая" (стр. 189). Ц. Ришсима - один из выдающихся памятников армянского зодчества - объявляется "на редкость бесталанной венцью с самым грубым нарушением художественности и с претензией на изящество" (стр. 189)", "бездарным построением разработанного архитектурного типа" (206), имеется в виду опять-таки грузинский Джвари (ср. стр. 210). Ц. в **Адиамане**, по Чубинашвили, - "деревенское" повторение типа Джвари, "ничего общего не имеющего с искусством" (стр. 189). Автор не скупится на самые отрицательные эпитеты по адресу армянских зодчих и созданных ими памятников: отсутствие единства, беспокойность, несогласованность частей (стр. 209), бесформенность, немотивированность форм, нагроможденность, бездарность (200), неграмотность, провинциальность и т. д., и т. д., и т. д. Таковы, по Чубинашвили, - все памятники: исключений нет.

И эту ругань Чубинашвили называет "художественным анализом". Короче говоря, нет ни одного памятника, который понравился бы Чубинашвили. Но что общего между этой эстетской "критикой" и наукой? Все ранне-средневековое зодчество армянского народа Чубинашвили изобразил в кривом зеркале. Ничего, кроме клеветы на творчество армянского народа, - этот "анализ" не представляет.

В результате этого "анализа", а также произвольных и нелепых передатировок - подлинная история архитектуры Армении совершенно искажена, а вместе с тем и в связи с этим искажена и история архитектуры Грузии.

5. Не менее бранны и другие рассуждения автора, который считает, что "органическое развитие архитектурной формы (типа Джвари) завершило свое развитие в короткий промежуток времени - в четверть столетия. Далее могло идти только повторение, а не творческое движение" (стр. 101). Этским путем автор обязан будет лишить "творческого движения" искусство целых исторических периодов, например, зодчество в той же Армении в эпоху Багратидов, ибо в основе архитектурного творчества этого времени лежат ведь архитектурные идеи предшествующего периода - VII века. А между тем хорошо известно, насколько богато архитектурное развитие X-XI в.

Всех извращений, которые допустил Чубинашвили в своей работе, - в предварительном отзыве не перечислишь, ибо их слишком много.

6. Наконец - следует отметить крайнюю неряшливость литературного оформления работы. Многие фразы недописаны, а иногда и вовсе непонятны (напр., стр. 31, 32, 52, 81, 82 и т. д., и т. д.).

В виду всего изложенного, работа Чубинашвили, в настоящем ее виде, несмотря на наличие богатого и ценного материала, правда, в большинстве случаев уже изданного, - не только не полезна, но, прямо сказать, вредна, ибо самым грубым образом искажает историю архитектурного творчества народов Закавказья.

Редактировать такую работу я, разумеется, не берусь.

А. Якобсон

4.XII.39 г.

ОТЗЫВ О РАБОТЕ Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ "ПАМЯТНИКИ ДЖВАРСКОГО ТИПА"

Объемистое сочинение Г. Н. Чубинашвили посвящено вопросам возникновения и развития своеобразного типа христианского храма, представленного рядом образцов в Грузии и Армении. Появление монографического исследования на эту тему должно быть встречено широкими научными кругами с живейшим интересом, при том, конечно, условии, что материал представлен правдиво, факты достаточно документированы и предложенные толкования находятся на обязательном для каждого советского научного работника высоком принципиальном уровне.

В наших замечаниях мы сначала остановимся на характеристиках памятников и зодчих, затем рассмотрим некоторые рассуждения, которыми обоснованы те или иные выводы, и в конце изложим нашу точку зрения на то, в какой мере автором выполнены основные требования, предъявляемые к научной работе.

I

Мы остановимся здесь только на тех памятниках Грузии и Армении, для которых автором даны острые, категоричные характеристики, позволяющие достаточно точно выяснить его отношение к затронутым в исследовании вопросам.

ГРУЗИЯ

1. Большая церковь Креста в Мцхете (Джвари)

"Джвари Мцхетский - является величайшим и самым законченным выражением художественного творчества той эпохи в области архитектуры" (стр. 56).

"Самый тип данной церкви впервые разработан, найден был именно архитектором Джвари" (стр. 310).

Сопоставляя Джвари с армянскими памятниками Аваном и Рипсима, автор приходит к заключению: "Собственно в художественном отношении, в смысле художественного акта, они несоизмеримы: гениальный творец Джвари и бесталанная погоня за грандиозностью в Рипсима - что тут сравнивать" (стр. 210).

2. Церковь в Атели

"Атениский Сион - рабская копия Джвари" (оглавление: 232).

Атениский архитектор, лишенный "художественного вкуса и понимания", ремесленник-копиист, находивший удовольствие только в воспроизведении известного ему ассортимента образцов.

АРМЕНИЯ

3. Аван

"Совершенно очевидно, что Аван является первой попыткой, за что говорит его неимоверная неуклюжесть, прежде всего, но и остальные специфические качества" (стр. 189).

"Здание в Аване производит впечатление того, что архитектор с трудом, в качестве пионера, стремится обломать свою тему" (стр. 207).

"Он не справился с этой темой" (стр. 208).

"Что аванский архитектор не был даровит и талантлив, видно по всему" (стр. 211).

4. Церковь Рипсиме

"Что касается церкви св. Рипсиме, прославленной и восхваляемой, то нужно с самого же начала сказать, что это удивительный, совершенно непонятно как сложившийся миф. Рипсиме есть на редкость бесталантливая вещь с самыми грубыми нарушениями художественности и с претензией на изящество" (стр. 189).

"Прославленная Рипсиме, постройка церковной жизни страны, - является столь бездарным повторением разработанного архитектурного типа, что безусловное убеждение в дате построения в 618-619 году пропадает" (стр. 206).

5. Адиаман

"Адиаман же есть деревенское повторение, значительно более позднее, чем остальные, и поэтому с очень интересными для исследователя частностями, но далекий от касательства к понятию "искусство" (стр. 189).

"Строитель храма - захудалый, провинциальный (далее два слова вычеркнуто) зодчий" (стр. 213).

6. Таргманчац-Банк

"Из всех церквей один миниатюрный Таргманчац-Банк показывает нигде не переступающие границы своего скромного дарования данные архитектора - поэтому Таргманчац собственно должен считаться лучшим из данного типа представителей Армении" (стр. 189).

Суммируя результаты рассмотрения всех названных памятников Армении, автор говорит: "Эти четыре рассмотренных памятника единого типа, как мы теперь видели, не представляют собой выдающихся в художественном отношении архитектурных произведений, а можно сказать, как раз наоборот" (стр. 206).

Итак, все отмеченные в исследовании армянские представители изучаемого типа оказались значительно ниже строгих требований автора. На первый взгляд, Г. Н. Чубинашвили нельзя упрекнуть в пристрастии: дав прекрасную оценку грузинским памятникам в Мцхете, Мартвили и Шуамта, - он разносит в пух и прах атенского "кошениста". Но беспристрастие это кажущееся, ибо на свою беду атенский зодчий оставил на стенах своего произведения армянскую надпись, которая свидетельствует, что он, Тодос, был армянин.

Создается впечатление, что армянским зодчим постройки "джварского типа" оказались не по плечу. Может быть, это случилось оттого, что за них брались недостаточно способные люди. Нет. Автор по этому поводу дает исчерпывающее разъяснение: у атенского зодчего Тодоса при разработке ниш на фасадах получается "вялая, недостаточно четко очерченная форма, в которой художественное впечатление простора, широты в распределении масс оставляет многого желать. Этот результат является у него не плодом специального искажения зодчим, а только очень интуитивным, подсознательным выражением иной национальной формы в искусстве: именно - различием грузинского и армянского восприятия" (стр. 171).

Значит, неудачи, постигшие армянских зодчих, в том числе и Тодоса, зависят не от их личных способностей, а от национальной природы армянского восприятия.

Несмотря на всю свою нелепость, это объяснение весьма ценно тем, что оно точно определяет принципиальные установки автора, которым подчинено в работе все: и процесс исследования, и конечные выводы.

Так, например, в разборе грузинской и армянской трактовки мотива виноградной лозы находим:

Джвари

"По качеству исполнения нельзя не высказать изумления по поводу того, как, в такой связанной геометрическим построением композиции растительного побега и при соответствующем упрощении отдельных форм узора, художнику дается сочность, свобода, мягкость и уверенность исполнения и трактовки".

Далее: "Очевидно, он находил большое удовольствие, любуясь живыми, причудливыми изгибами их в натуре".

"Действительно, мотив виноградной лозы на Джвари – представляет вершины художественных достижений" (стр. 275, 276).

Армянские памятники

О виноградной лозе в Звартноце: "Выполнена она с той ремесленной уверенностью руки резчика, но в целом и ей также не хватает жизни, полета, как и вообще вся орнаментальная резьба архитектурных произведений Армении – характерна чрезвычайной точностью, детальностью, расчетом, но без ощущения подвижности жизни и свободного размаха движения линии" (стр. 273, 274).

И тут же характерное примечание: "Изолированное положение занимает здесь виноградная лоза на притолоке западной двери в церкви в Одзуне (ныне Узуллар, стр. 370), чему объяснение, вероятно, можно искать в географическом положении церкви у самой границы Грузии, как и ряду черт в самой архитектуре ее" (стр. 274, прим. 1).

Оказывается, армянские мастера, даже в порядке исключения, не могут самостоятельно создавать полноценных (в соответствии с требованиями Г. Н. Чубинашвили) художественных произведений.

Здесь уместно будет обратиться к другим работам Г. Н. Чубинашвили, так как это дает возможность показать, с какой настойчивостью проводит он свои взгляды везде, где только представляется возможность.

Даже в те дни, когда вся Советская страна праздновала тысячелетний юбилей героического эноса братского армянского народа "Давид Сасунский", – Г. Н. Чубинашвили остался верен себе. Он тоже поднес "праздничный" подарок – статью в юбилейном сборнике Тбилисского государственного университета (редактор проф. Меликсет-Бек), в которой, в обычном для него стиле, пытается показать, что зодчие народа, вписавшего славные страницы в мировую литературу, и в эту эпоху были неспособны создать что-либо значительное.

Рассмотрев группу многоабсидных памятников (церкви Вышгорода, Пастушья церковь, церкви рода Абугамренц и Спасителя в Ани и др.), автор приходит к заключению, что "все эти сооружения красноречиво говорят о наивных, подчас беспомощных или неудавшихся попытках создать на основе ранее разработанных архитектурных композиций новые" (Сборн., стр. 45, 46).

1. О том, почему Мастара и Артик, построенные в VII в., оказались памятниками IX-XI вв., речь будет ниже.

Приведя примеры "купольных квадратов с конхами" (Мастара, Каро, Аргик и др.)⁴, автор характеризует их как "по художественному впечатлению в общем безотрадную группу" (Сборн., стр. 33), и далее поясняет: "Возрождавшаяся культура Армении именно только еще возрождалась, с трудом находила себя, налаживалась, шла ошунию и радовалась, когда уже хоть что-нибудь удавалось создать. Действительно сильные творческие таланты еще не народились. Это и есть то общее положение, которое сопровождает все проявления художественной жизни Армении рассматриваемого времени" (Сборн., стр. 33).

Налицо парадоксальное явление: освобожденная от многоземного ига страна могла в течение одного столетия создать Ани - один из замечательных городов Передней Азии, могла оформить свой замечательный эпос, но оказалась неспособной выдвинуть хотя бы одного удовлетворяющего требованиям Г. Н. Чубинашвили зодчего: по заслугам признанный Трдат... строитель Анийского собора, которому была доверена реставрация купола Софии Константинопольской, оказывается недостаточно оригинальным, так как план здания "создан скорее всего под впечатлением извне, как и другие частности его" (Сборн., стр. 39).

Оказавшись в плену у своих установок, автор не мог подняться до истинного понимания явлений. Он не смог, а может быть, и не захотел понять, что зодчие времени оформления эпоса "Давид Сасунский" не беспомощные новички, а мастера, любовно изучавшие и знавшие родную старину, мастера, сознательно отталкивавшиеся в своих работах от этой старины для того, чтобы в новых формах преемственно продолжать дело своих предшественников, прерванное арабским нашествием. Архитектор, построивший храм по заказу Гагика I, в котором он воспроизводил лежавший в развалинах Звартноц, по праву может считаться не только первоклассным зодчим, но и блестящим исследователем, ибо до постройки им несомненно была проделана кропотливая работа по изучению развалин Нерсесова храма, на основании которой только и можно было произвести реконструкцию такого сложного сооружения.

Для Г. Н. Чубинашвили все эти явления - только страсть к моде (Сборн., стр. 39).

Первая половина VII в. отмечена в Армении расцветом архитектуры, представленной рядом первоклассных памятников самых разнообразных типов, объединенных однако как общностью композиционных приемов, так и характером декоративного убранства.

Г. Н. Чубинашвили значительную часть их переносит на два-три века позже, вопреки мнению ряда видных исследователей.

Из числа широко известных построек VII в. оказываются изъятыми Мастара, Артик, Птгни, Аруч, Талын, церк. Рипсима, Караклиса, Адиаман и только Мрен, церк. Гаяне, Вагаван, Алами, Багаран, малая церковь в Талыне не подвергаются ревизии. Однако даже рассмотрение только декоративного убранства обеих групп памятников убеждает в том, что они все—произведения, расположенные по времени близко друг от друга (в пределах одного столетия). В них с удивительной настойчивостью повторяются декоративные мотивы, которых мы не видим на бесспорных постройках Багратидского времени. Виноградная лоза является неизменным украшением оконных бровок подавляющего большинства перечисленных памятников. Арочки на трилистниках, кессончики можно видеть на постройках обеих групп. Наконец, забытый в IX и последующих веках и характерный для VII в. арочный карниз венчает храмы как в Мрене, Аламие, Очараке, так и в Птгни и Мастаре. Мы сознательно для подтверждения нашего мнения о несостоятельности поздних датировок первой группы Г. Н. Чубинашвили остановились только на декоративном убранстве, так как вполне разделяли его мнение, что "декоративное убранство является, как и в других храмах Грузии и Армении, одним из надежных критериев для установления эпохи возведения храма" (Пам. Джв. типа, стр. 31).

Почему же в соответствии с этим положением автор не отнес все памятники к IX-XI вв. и чем объясняется именно такая разбивка на хронологически разные группы? Потому что, за исключением церкви Рипсима и Аручи, памятники первой группы не датированы строительными надписями, а вторая, за исключением ц. Гаяне, имеет надписи XV в. и ее поневоле пришлось оставить на своем месте.

С надписями церковей Рипсима и Аручской автор нашел возможным не считаться, опираясь на высказанные в печати сомнения в их принадлежности к VII в. (Орбели. Хр. Вост. Том III, вып. 1, стр. 74, 75. Хр. Вост. Том II, вып. 1, стр. 141 и Том III, вып. 1, стр. 91).

Для объяснения же общности декоративного убранства автор прибегает к рассуждениям о переживании древних элементов (Сборн. стр. 32).

Перенос Птгни и Аруча в Багратидское время неизбежно привел к ошибочному выводу, что самая композиция "была создана в конце IX в., хотя объективно проведенное исследование трех ранних (из известных) представителей этого типа показывает, что храм в Птгни построен в первой половине VII в., храм в Аруче - та постройка

Григория Мамиконяна, о которой говорят и строительная надпись, и историки, а Ширакаванский храм возведен по образцу первого здания.

Наконец необходимо отметить отношение Г. Н. Чубинашвили к постройкам Нерсеса Строителя (VII в.).

Армянин Халкедон, или¹ Нерсес, в бытность епископом в родном селе Ишхане в армянской области Байке, начавшей огрузиниваться только в IX в., построил, по свидетельству автора X в. Георгия Мерчула, в нем храм, от которого сохранилась абсида, включенная в постройку X в. Заявив в 641 г. армянский католический престол, Нерсес в своей новой резиденции около Вагаршаната построил круглый храм Звартноц (раскопанный в 1900 г.), абсиды которого похожи на Ишханскую. В конце IX или начале X вв. грузинский царь Адарнасе, умерший в 923 г., построил в Бане храм, сходный с нерсесовыми постройками, несмотря на значительные конструктивные изменения². Последний известный представитель этого типа храма царя Гагика I в Ани (раскопанный в 1905-1906 гг.), был сооружен по образцу Звартноца в самом начале XI в. (как о том свидетельствует историк Асогик).

Г. Н. Чубинашвили признает, что Ишхан – постройка "Нерсеса, ишханского епископа, ставшего в 641 году католикосом, но православным, Армении" (Г. Н. Чубинашвили и П. П. Северов. Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936 г., стр. 70). И все же, несмотря на факты, свидетельствующие, что постройки Нерсеса были возведены в армянских областях, с армянским населением, автор считает Ишхан наравне с Баной краеугольным по своему значению архитектурным памятником древней Грузии (Пути грузинской архитектуры, стр. 70), считает, вероятно, на том основании, что строителем был православный армянин, ставший в дальнейшем православным католикосом Армении, так же, как и огрузинившийся армянин-халкедонит Григорий Бакуриан (XI в.) считал себя грузином потому, что исповедовал "истинную и православную христианскую веру по преданию грузинского народа".

Мы привели все эти соображения Г. Н. Чубинашвили для того, чтобы показать, что его отношение к армянским представителям "джварского" типа является только одним из моментов его отношения к армянской архитектуре вообще.

На основании сомнительных стилистических размышлений выходящая одна из лучших страниц истории армянской

1. Православный, по терминологии автора.

2. Г. Н. Чубинашвили, вопреки свидетельству историка Аргануджских Багратидов Сумбата, что Адарнасе перестроил, а не построил Бану, приурочивает постройку этого храма к середине VII в.

архитектуры – седьмой век. Работы зодчих после освобождения от ига арабов характеризуются как наивные поиски. Все это делается только на основании собственного анализа при полном игнорировании мнений виднейших ученых. Отношение к своим предшественникам с полной наглядностью выявлено в сочинении о памятниках джварского типа, где автор заявляет: "Мы остановились с терпением и едва ли соответствующим вниманием на рассмотрении высказанных в литературе предшествующего времени взглядов, касающихся "происхождения" изучаемой архитектурной формы и ее места в христианской архитектуре Кавказа.

Все высказанные положения суть не более как мнения, не представляющие в свое обоснование никаких доводов, да и не имеющие их вовсе. Вот почему можно было бы обойти их совершенно молчанием. Если мы этого не сделали, то нами руководило следующее соображение. Пужно, думается нам, воочию представить все убожество этих мнений, обладающих, как вообще на ветер брошенные мнения, способностью широкого распространения и легкого усвоения, чтобы устранить их мешающее внимательному научному изучению предмета влияние" (стр. 249). Среди исследователей, к которым относится приведенная выдержка, оказался и... гениальный советский ученый академик Н. Я. Марр (стр. 247, 248).

II

Для обоснования своих выводов автором приведены пространные рассуждения. В наших замечаниях мы не имеем возможности ни углубляться в дебри стилистического анализа, ни вдаваться в оценку мнений автора по поводу гениальности или бесталанности и ничтожества зодчих и их произведений и других тому подобных субъективных соображений, из которых этот анализ, являющийся для автора почти единственной основой для суждений, по преимуществу и состоит. Поэтому мы ограничимся приведением двух примеров, показывающих, в какой мере доводы в пользу того или иного положения - убедительны.

В связи с определением времени построения малой и большой церкви Креста в Мцхете автор приводит следующие основания древних историков:

Хроники "Обращение Грузии"

Куропалат Гуарам "положил основание церкви честного креста" (стр. 40).

"После него (Гуарама Великого) правил ею сын эристав Степаноз, брат Деметре; и он строил церковь Креста (Джвари)" (стр. 40).
"И после него (Адрнерсе-эристава) правил Степаноз, сын его, и он окончил церковь Креста и установил собрание у креста" (стр. 43).

Историк Сумбат

"Он (Гуарам) положил основание церкви креста, которая находилась в Мцхете" (стр. 40).

"И после этого Гуарама правил сын его и брат Деметре, эристав Степаноз, и строил церковь Креста во Мцхете" (стр. 41).

"Церковь Сиона в Тбилиси была окончена, а церкви Креста недоставало" (стр. 43).

В описании событий конца 80-х годов VII в.:

"И он (Степаноз) окончил постройку церкви и установил собрание там у Креста" (стр. 44).

Историк Джуашер

"И он (Гуарам) приступил к постройке церкви честного Креста; до тех пор крест стоял в открытом поле; и он вывел церковь только до пояса" (стр. 44).

"Брат Степаноз по имени Степане (гар. Деметре) построил церковь честного Креста" (стр. 45).

"И церковь честного Креста и Тбилисский Сион закончил Адарнасе, мтавар Грузии" (стр. 45).

"И он (Степаноз II) возвел стены вокруг храма честного Креста, и построил зал" (стр. 45).

Г. Н. Чубинашвили вполне обоснованно считает, что Гуарам строил только малую церковь Креста, так как на барельефах большой нет его изображения. Однако из приведенных свидетельств явно видно, что Гуарам постройку свою не закончил, а вывел только до пояса. Достраивать ее пришлось несомненно Степанозу I и Деметре, причем работы эти не могли быть начаты сразу после смерти Гуарама, так как Степаноз вначале относился к церковным делам неприязненно.

А может быть, церковь была достроена только одним Деметре (стр. 1, 224), так как имеются прямые указания, что Степаноз I церковей не строил.

Мы не имеем сведений, когда была начата постройкой большая церковь Креста, но ясно, что окончена она была при Адрнерсе или, даже вернее, при Степанозе II. Во всяком случае, в 20-х годах VII века она еще не была готова. Мы не имеем оснований согласиться с категорическим мнением Г. Н. Чубинашвили, что постройка большой церкви Креста "начата построением Стефанозом Первым за

пятнадцать, примерно, лет до начала VII в." (стр. 1), т. е. в самом начале (по датировке автора) правления Степаноза I, и окончен на рубеже VI и VII вв. попечением всех членов дома правителя, из коих особо выделился в этом деле Степаноз II.

Не можем согласиться по следующим соображениям: автор, на основании стилистического анализа рельефов абсиды, приходит к выводу, что они сделаны одновременно и поэтому изображены на них Степаноз I (в центре), Деметре и Адрнерсе с сыном (по бокам). Это могло бы быть действительно так, если бы Адрнерсе был членом семьи Степаноза I и мирно принимал вместе с ним участие в постройке. Но ведь известно, что Адрнерсе был из другого рода и сделался правителем во время греко-персидской войны, в которой принимал участие на стороне греков, в то время как Степаноз I был вынужден из боязни расправы над ним со стороны Адрнерсе бежать в Кларджет. Едва ли после всего сказанного можно полагать, что центральной фигурой на барельефах является Степаноз I. Есть больше оснований думать, что там изображен завершивший постройку Степаноз II, известный своим благочестием и церковным строительством. Приведенные факты автором не учтены.

Что касается дат правления Степаноза I (585-604/605), Адрнерсе (604/605-634/635) и Степаноза II (с 634/635), которые приводит автор, то тут уместно отметить следующее: как мог Адрнерсе, ставший правителем только во время походов императора Ираклия, начать свое правление в 604/605 г., если сам Ираклий вступил на престол в 610 г.

Таким образом, до окончательного выяснения всех этих вопросов нельзя согласиться с мнением автора, что "нет ничего удивительного, что план этой церкви (Джвари) стал известным и в Армении и что католикос Иоани, склонный к православию, нарочито мог высказать свою волю о получении именно подобного храма" (стр. 202). Католикос Иоани, построивший церковь в Аване, уже около 600 г. был в ней похоронен, возможно даже, что строительство большой церкви Креста и не было еще начато в это время.

Перейдем теперь к утверждению автора, что Джвари является "родоначальником всего типа" (стр. 9) и что "как ныне уже можно считать твердо установленным, художником, создавшим обсуждаемый тип церкви, является строитель большой церкви Креста Мцхетского в Грузии" (стр. 209).

С автором можно было бы согласиться, если бы он привел неопровержимые доказательства, что Джвари есть самая ранняя из

всех когда-то существовавших построек этого типа. Но ведь ему неизвестно, что еще находится под землей. С некоторыми памятниками интересующего нас типа, вполне доступными для обозрения и изучения, автор даже как следует не познакомился.

Так, например, на стр. 183, прим. 3, ссылаясь на С. Д. Лисицина, он пишет, что Арамус (Армения) "вероятно, примыкает к той же группе". Кара-Килиса знакома ему только по двум-трем фотографиям. В связи с приведенными утверждениями позволительно представить себе реально возможный (но, к счастью, вымышленный) случай из раскопной практики в Армении.

История Асогика, говорящего о том, что Гагик I построил в Ани храм по образцу Звартноца, неизвестна. Первым раскапывается храм Гагика в Ани. Замечательное сооружение тщательно исследуется и, возможно, объявляется даже величайшим и самым законченным выражением художественного творчества той эпохи в области архитектуры. А затем обнаруживают Звартноц, открывают историю Асогика, посещают Ишхан и находят сочинение Георгия Мерчула. Надо полагать, что в этом случае многое из написанного сгоряча о храме Гагика пришлось бы признать по меньшей мере устаревшим. Не исключена возможность, что подобный случай может произойти и со слишком поспешным утверждением автора относительно Джвари.

Чем же, однако, объяснить столь различное отношение Г. И. Чубинашвили к творчеству мастеров братских народов Грузии и Армении, народов, художественные вкусы которых, по мнению акад. Н. Я. Марра, как и многие их религиозные предания и обычаи, проявляли сродство столетия спустя после церковного их разрыва (Зап.-Вост. Отд. ИРАО, т. XIX, стр. 56).

Почему, как в известной сказке о доброй и злой сестрах, как только автор начинает говорить о грузинских памятниках, его устороняют драгоценности – восторженные отзывы, и почему его характеристики армянских памятников и зодчих так напоминают тот дар, которым была наделена злая сестра.

Ответ находим у самого автора. На первой же странице сочинения о памятниках Джварского типа читаем: "Искусство Грузии - это особенное, характерное явление". Это положение многое объясняет. Нам, например, казалось странным, почему в докладе "Пути грузинской архитектуры" совершенно ничего не сказано об архитектуре Тао-Кларджета. Но если вспомнить, что находящиеся там замечательные грузинские памятники X в., оказавшие несомненно большое влияние на архитектуру Западной Грузии, возведены при куропалате Давиде,

не то грузинские, не то армянские, тесно связанном с Византией, становится понятным, что это вызвано боязнью столкнуться с посторонними (византийскими или другими) влияниями.

От положения об обособленности рукой подать и до другого, не менее характерного и, пожалуй, имеющего решающее значение, положения Г. Н. Чубинашвили, высказанного в заключительной части упомянутого доклада: "Обзор развития грузинской архитектуры показал, что мы имеем здесь дело не только с индивидуально самобытной художественной культурой, но, **что повышает ее в разряд немногих избранных** (подчеркнуто мною. - Н. Т.), с культурой, достигшей полной стилистической законченности, завершенности" (Пути груз. арх., стр. 178).

Этому положению об "избранности" подчинен весь ход исследовательской мысли Г. Н. Чубинашвили и в рассмотренной работе о памятниках Джварского типа, что привело к недопустимому искажению истинного положения вещей.

Мы полагаем, что представленное исследование не может быть опубликовано, так как твердо помним статью 123 Конституции СССР, которая гласит:

"Равноправие граждан СССР независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения - караются законом".

Н. Токарский

16.1.1941 г.

В РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ АКАДЕМИИ
НАУК СОЮЗА ССР

РИСО поручил мне представить отзыв о труде проф. Г. Н. Чубинашвили "Памятники Джварского типа. Исследование по истории грузинской архитектуры".

Как известно, до того Издательство Академии наук, получив в свое распоряжение рукопись, запросило отзыв о ней у кандидата исторических наук, архитектора Н. М. Токарского, и отзыв научного работника Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР, А. Л. Якобсона. Так как я согласен с мнением обоих рецензентов, я считаю своим долгом приобщить к настоящему моему краткому отзыву копии отзывов гг. Н. М. Токарского и А. Л. Якобсона.

Труд проф. Чубинашвили содержит XVII + 482 страницы текста, заключенные в двух папках. Иллюстрации к труду мне доставлены не были, но это не могло служить препятствием к ознакомлению с рукописью, поскольку речь идет о хорошо известных памятниках грузинской архитектуры, знакомых мне частью по непосредственным наблюдениям, частью по фотографиям.

Как известно, труд этот первоначально предполагался к изданию за границей, и в Германии выпущен был даже проспект этого издания, однако же, по неизвестным мне причинам, неосуществленного.

Знакомство с трудом не оставляет никаких сомнений в том, что мы имеем здесь переводный текст, причем перевод сделан в высшей степени неряшливо. Это – единственное объяснение, которое можно дать тому обстоятельству, что язык автора на всем протяжении книги является ярким примером того, как небрежное отношение к научному труду и неряшливость в языке может затруднить чтение книги, хотя бы посвященной чрезвычайно важному интересному вопросу, привлекающему к себе внимание читателя. Но даже принимая этот труд за перевод с иностранного языка, никак нельзя оправдать тех выражений, которыми насыщен язык труда. Мартвильский собор автор называет "Мартвильскими кафедрами" (1, 56, и др.), ему кажутся понятными термины "натурные образцы" (стр. 271), "маркация", "брутальный" (стр. 320) и даже явно механически и притом неграмотно переведенное выражение "хорошее желание" (стр. 319) вместо – "добрая воля".

Проф. Чубинашвили пересыпает свою речь таким количеством иностранных слов, совершенно излишних в русском языке, поскольку для них имеются давно сложившиеся и общеупотребительные русские термины, что можно подумать, что труд об архитектуре впервые пишется на языке, совершенно непригодном для передачи самых простых научных понятий.

Своеобразие и использование автором термина, заимствованного им из грузинского. Известно, что бывают случаи, когда тот или иной восточный термин, имеющий несколько значений или несколько оттенков одного и того же значения, приходится сохранять в русском тексте, ввиду затруднительности установления, в каком именно значении термин применен в соответствующем иноязычном тексте. Но грузинское слово "джвари" имеет только одно значение - "крест", во всех оттенках понятия, которые передаются русским словом "крест". Сохранение же им для этого памятника грузинского слова "джвари" приводит его к созданию определения "памятника Джварского типа", как будто в Грузии имеется только одна эта церковь во имя Креста, что совершенно неверно. Таким образом, какая-то крестобоязнь автора вводит в научный обиход явно неправильное и неточное определение чрезвычайно важной группы памятников грузинской архитектуры, придавая в то же время изложению мшимо-востоковедный характер.

Погрешности в языке труда однако не ограничиваются отдельными словами и терминами. Текст изобилует фразами и целыми периодами, понимание которых чрезвычайно затруднено по несоответствию их русской грамматике. Ограничусь немногими примерами: "Вероятнее всего нужно понимать, что во имя его же, ближайшей церкви, посвященной празднику креста Мцхетского, что с одной еще стороны повышает ту большую ценность, которую имела эта святыня в тогдашней Грузии" (стр. 6). "Они (лестницы) скорее всего навеивают впечатление широкого, открытого входа в дворцовых постройках" (стр. 31).

... Стржиговский "указывает, как будто в VIII веке дату поворота, которую в коптских и сирийских миниатюрах, как равно в Армении и в исламском искусстве выдвинул ленточное плетение вперед" (стр. 37). "Остатки росписи сохранились в куполе, где мы имеем в центре изображение креста; а затем во всех конхах абсид, а равно и вся алтарная абсида до низу" (1, 55). "Но мысль Павлинова, что он сам двух периодов, считаю не правильной" (1, 60). Разбивка проемов "в Джвари была на каждом из фасадов специально приурочена и

согласована с отдельными из них и его особыми реальными данными (1, 163).

Должен отметить, что в данном случае нет места для извинения автору этих погрешностей в языке тем, что он не имел еще возможности овладеть в достаточной степени русским языком. Уроженец Петербурга, здесь же воспитывавшийся, учившийся в Петербургском университете и прекрасно говорящий по-русски, обязан писать грамотно по-русски.

Избранная проф. Чубинашвили тема относится к числу чрезвычайно важных в истории восточной культуры и искусства. Необычайное богатство грузинской архитектуры замечательными памятниками, их техническое и художественное совершенство и сложность проблем, встающих при исследовании культуры грузинского народа, значение грузинской культуры как важнейшего фактора в сложении культуры всей Передней Азии и Византии – определяют целесообразность расширения, углубления и умножения исследований, посвященных любой стороне культуры грузинского народа, а тем более тому роду грузинского искусства, которому посвятил свой труд проф. Чубинашвили. А в истории грузинской архитектуры – и основной памятник, которому посвящен труд, церковь Креста в Мцхета, и примыкающие к нему другие храмы имеют первостепенное значение.

При таких условиях мы должны были бы приветствовать появление труда проф. Чубинашвили. Но, к сожалению, труд этот неряшлив не только по языку, но и по существу своему, по своему построению, по своему составу. Он представляет, в сущности говоря, не единое цельное построение, от начала до конца продуманное, не ряд отдельных исследований по тем или иным частностям, последовательно излагающим историю возникновения и развития этого вида памятников грузинской архитектуры, а некую плохо сложенную мозаику из несомненно разновремененно сложившихся частей, которые в ряде случаев противоречат друг другу.

Проф. Чубинашвили хорошо знает грузинские памятники, несомненно обладает и способностями к анализу архитектурных форм, и эти его качества при его бесспорно горячей любви к предмету своих научных занятий могли бы обеспечить высокое качество выполненного им труда. Но, к сожалению, этими качествами обладают в той или иной мере лишь отдельные части книги, посвященные, например, анализу церкви Креста во Мцхета, и все эти прекрасные страницы тонут в остальном изложении книги и заслуживают быть освобожденными от неподобающего им обрамления.

Исследуя столь важные вопросы грузинской архитектуры, проф. Чубинашвили не считает нужным связать историю грузинской архитектуры с историей создавшего ее грузинского народа, с другими сторонами и проявлениями грузинской культуры, со всем тем, без учета чего невозможно научное освещение истории одной из сторон грузинской культуры, одного из видов высокого и развитого грузинского искусства.

По проф. Чубинашвили, новые памятники архитектуры создаются потому, что "с одной стороны потребность культа и вообще рост христианства требовали все больших и больших по вместимости строений, с другой стороны, зодчие... обладали также и вновь выработавшимися методами и приемами для наиболее выразительного выявления этих задач" (стр. 80).

Проф. Чубинашвили, совершенно забывая не только о подлинных путях, пройденных грузинской культурой, но и об основных законах истории и об элементарнейших требованиях научной методологии, утверждает: "Искусство Грузии – это обособленное, характерное явление и, как таковое, является самостоятельным представителем восточно-христианского искусства рядом с другими и наравне с ними" (стр. 1).

Таким образом, при вполне закономерном стремлении автора к выявлению громадного значения грузинской архитектуры, создается впечатление изолированности ее развития. Установление черт самобытности не должно вести к отрицанию какого бы то ни было окружения и реальной исторической среды, в применении же к данному конкретному материалу – такая попытка изоляции создаст, конечно, не для грузинской архитектуры, а для автора положение "Ивана, не помнящего родства". А отсюда – поднятый на принципиальную высоту недоучет элементарных научных требований.

Если бы проф. Чубинашвили несколько шире ознакомился с письменными свидетельствами древнегрузинских источников по истории Грузии, если бы он лучше ознакомился с исследованиями недавно ушедшего из нашей среды блестящего грузинского ученого, покойного академика И. А. Джавахишвили, он несомненно отразил бы в своем труде знакомство с тем положением, что история не может не заниматься выяснением источника исследуемого ею явления и путей его развития во всей их полноте. И тогда проф. Чубинашвили не сообщал бы, с каким-то удовлетворением, на стр. 11 рукописи, имеющей подзаголовок "Исследование по истории грузинской архитектуры", что им "совершенно откинута установка, которую, по-

видимому, вообще можно считать пройденным уже этапом нашей науки, именно искание "происхождения" той или иной формы или явления. Как сказано, прежде всего художественное произведение, как таковое, является целью исследования, ибо точка зрения качества, а не археологической редкости произведения искусства, решает вопрос, вступает в свои права".

Проф. Чубинашвили, в своеобразном стремлении соревноваться с проф. Стржиговским, противопоставляет его несомненно чрезмерному увлечению возможностью прямого воздействия армянской архитектуры на архитектуру других, в частности, отдаленных европейских стран в средние века, - свою не в меньшей мере не научную, не в меньшей мере фантастичную и не в большей мере обоснованную концепцию, по которой вся армянская архитектура оказывается не чем иным, как "рабским" и "бездарным", "бесталанным", "неумелым", "беспомощным" подражанием грузинской архитектуре, а формы грузинской архитектуры становятся не в меньшей мере, чем по Стржиговскому – формы армянской архитектуры, предметом своеобразного экспорта, без каких бы то ни было признаков импорта.

Право каждого исследователя восхищаться предметом своего исследования, а тем более, если этот предмет есть произведение искусства, – неоспоримо. Но проф. Чубинашвили подходит к исследованию этого своего бесспорного права крайне своеобразно, и тем самым явно умаляет значение и ценность вызывающих его восхищение бесспорно замечательных памятников. Проф. Чубинашвили забывает, что для выявления высоких качеств и свойств какого бы то ни было замечательного памятника (будь то памятник архитектуры, картина или литературное произведение) нет никакой надобности хулить и поносить все иные памятники искусства. Нужно потерять всякое чувство уважения к восхваляемому, действительно высокому произведению искусства, чтобы, например, говоря о красоте стиха Пушкина, о глубине его мыслей, облеченных в блестящую форму, говоря вообще о всем том, что сделало Пушкина бессмертным, начать поносить совершенно незаслуженной, нелепой, бессмысленной хулой других поэтов, выбирая при этом из их числа наиболее замечательных, наиболее прославленных. Высокие качества и черты Пушкина нисколько не выиграют в своей яркости и неповторимости, если ограниченный или ослепленный критик начнет ради прославления Пушкина хулить огулом Руставели, Фирдоуси, Низами, Гете или армянский эпос "Давид Сасунский". Между тем проф. Чубинашвили поступает именно так, не понимая, что храм

Креста во Мцхете хорош и без его похвал и без того потока бравады (другого слова не подобрать) эпитетов, на которые другому Чубинашвили не скупится в применении к другому замечательному памятнику архитектуры – храму Рипсима в Эчмиадзине. Достоинства храма Креста во Мцхете не станут несколько ярче от оценки, которую с какой-то злобой проф. Чубинашвили дает другому замечательному памятнику – церкви Сиона в Аteni. Понося ее создателя, проф. Чубинашвили в каком-то странном ослеплении сам себе противоречит. Действительно, проф. Чубинашвили называет Атенский Сион “рабским подражанием” мцхетскому храму Креста и, забыв, что рабским подражанием называется до мелочей точное, ничего нового не приносящее, ничем не отличающееся повторение какого-либо образца, – определяет архитектуру Сиона, как безобразное, уродливое, бесталанное сооружение.

В чем же разгадка такого странного логического скачка? Только в том, что имя строителя Атенского Сиона и сведение о том, что именно он построил этот замечательный памятник грузинской архитектуры, начертаны на стене храма на армянском языке и свидетельствует о том, что строителем храма был армянин.

“Архитектор Атенского Сиона Тодос примыкает безраздельно и абсолютно к копируемому образцу. В одном только отношении он проявил некоторую самостоятельность – это в скульптурном украшении храма. Несомненно, что Тодос хотел щеголять как скульптор; с ним, как с таковым, мы познакомимся в следующей главе. Эта сторона его подготовки содержит, пожалуй, ключ к разгадке, как так могли призвать извне для постройки в Аteni этого бесталанного человека, ибо одного, во все времена имеющего место, предпочтения, оказываемого иностранцам при крупных поручениях, хотя и родная страна имеет выдающихся мастеров, было бы здесь недостаточно. Джвари, произведение одного из таких мастеров, и было, действительно, скопировано этим чужестранцем в Аteni” (стр. 236).

В роли такого “чужестранца”, “иностранца” оказывается на территории Грузии, в самом ее центре, армянин, сын народа, судьбы которого и история которого неразрывно переплетены с историей грузинского народа, да притом еще в VII в., когда только что совершилось разделение грузинской и армянской церквей, в свое время столь блестяще исследованное и освещенное покойным акад. И. А. Джавахишвили, ясно показавшим теснейшую неразрывную культурную связь этих двух народов. Стоит ли тут говорить о

"чужестранце", "иностранце", которому отдается предпочтение, а родная страна имеет выдающихся мастеров".

Через весь труд проф. Чубинашвили какой-то, конечно, не красной, а черной нитью проходит неуклонное стремление снабдить каждый памятник армянской архитектуры в лучшем случае пелестным, а чаще всего - бранным эпитетом, каждое явление армянского искусства, и в том числе и богатейший армянский орнамент, очертить и запятнать, как будто в расчете на читателя, который не сможет ознакомиться с этими памятниками и убедиться в их высоких качествах. Достаточно привести отзывы проф. Чубинашвили о таких памятниках армянского искусства начала и середины VII в., как храм Рипсима и Звартноц. "Рипсима есть на редкость бесталанная вещь с самыми грубыми нарушениями художественности и с претензией на изящество..." (стр. 189). В "Рипсима все криво и при том так криво, что ясно видна плохая работа" (стр. 191). Ниши на фасаде Рипсима - "показатель недостаточности дарования и художественного вкуса у строителя этой церкви. Насколько бездарна эта разбивка в Рипсима, видно из сопоставления даже с таким ультрадеревенским, провинциальным, подчас просто неграмотным памятником, как Адиаман..." (стр. 200). (Рипсима и Джвари) - "в смысле художественного акта они несоизмеримы: гениальный творец Джвари и бесталанная погоня за грандиозностью в Рипсима - что тут сравнивать..." (стр. 210)! "...если иметь в виду значительность ц. Гаяне, как художественного произведения, наравне с ничтожеством ц. Рипсима" (стр. 229). Купол Рипсима "все-таки (вроде Текорского купола) до известной степени монстр... Естественно бы думать, что эти башни служат для лестниц восхода на крышу... Ничуть не бывало: они просто измышления праздной фантазии..." (стр. 202). Рипсима "является столь бездарным повторением разработанного архитектурного типа..." (стр. 206). Строитель Рипсима "раскрывает особенно ясно свое творческое убожество" (стр. 203). Виноградная лоза в Звартноце выполнена "с той ремесленной уверенностью руки резчика, но в целом и ей также не хватает жизни, полета, как и вообще вся орнаментальная резьба архитектурных произведений Армении (подчеркнул Орбели) характерна чрезвычайной точностью, детальностью, расчетом, но без ощущения подвижности, жизни и свободного размаха движения линий" (стр. 273-274). Проф. Чубинашвили очень щедр на такого рода "обобщения" тех или иных отрицательных черт, усматриваемых им неизменно в памятниках армянского искусства.

Странно, что при такой отрицательной оценке Звартноца,

вызывающего искреннее изумление, кто его хоть раз мог видеть, проф. Чубинашвили в другом своем труде обращает внимание на Звартноца (в смысле заказчика и организатора постройки), армянского католикоса Нерсеса-Строителя в Грузии, для этой цели снабдив его необычным в научной литературе определением "Ишхнели", а созданный им в Ишхане на Чорохе памятник относит к памятникам грузинского искусства (Каталог Архитектурной выставки в Тбилиси, 1935 г., стр. 17, N54). Проф. Чубинашвили хорошо знает, что наиболее ценную часть ишханского храма составляют те его элементы, которые его роднят с другим созданием Нерсеса – с храмом Звартноц.

Глубоко прав в своей оценке этой стороны труда проф. Чубинашвили рецензент, тов. А. Л. Якобсон. Глубоко прав, по моему убеждению, и другой рецензент, тов. Н. М. Токарский, оценивающий тенденцию проф. Чубинашвили хулить все созданное армянскими зодчими и мастерами, все явления армянского искусства - не только как игнорирование истинного положения дела, но и как нездоровую и политически вредную конценцию.

Эта тенденция проф. Чубинашвили не может не вызвать чувства справедливой боли от незаслуженного оскорбления среди сынов одного из братских народов Союза, имевшего возможность в своем историческом прошлом, рука об руку с грузинским народом созидать замечательные памятники искусства, создавать культурные центры, бороться для защиты достигнутых в области культуры успехов и добиваться новых успехов, – народа, в течение 20 лет рука об руку с грузинским и азербайджанским народами и со всеми другими народами Советского Союза участвующего в созидании новой величайшей культуры - культуры коммунизма.

Нужно ли, а если нужно, то кому нужно ознаменовывать 20-ю годовщину установления Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии изданием исторически неверных, заведомо неправильных, извращающих истину утверждений и клеветнических выпадов, направленных против многовековой высокой культуры, замечательного зодчества и высоко развитого искусства армянского народа.

При чтении труда проф. Чубинашвили трудно не убедиться в том, что эта книга, долженствующая по мысли автора быть предложенной советскому читателю, писалась в расчете на иного читателя, иного потребителя.

В этом труде проскальзывают отдельные черты подновления текста, попыток подсвежить его отдельными вставками, но в основном даже

не дата первого предисловия, включенного в этот труд - 1928 год - определяет время написания этого труда.

То обстоятельство, что "разработка публикуемых материалов и оформление результатов ее было выполнено с февраля по май 1921 года, непосредственно после окончания работы над малой церковью Креста Мцхетского, а для печати дополнительно пройдена в конце 1927 - начале 1928 года" (стр. VI), сказалось на всем труде проф. Чубинашвили.

Я не вижу оснований сомневаться в правильности утверждения автора, что писание этого автора имело место в феврале 1921 года, когда грузинский народ, сбросив с своих плеч меньшевистский гнет, установил Советскую власть, и в последующие три месяца. Но чтобы такой обширный труд мог быть написан в столь короткий срок, падающий притом на период важнейших и волнующих событий первых недель установления Советской власти, - труд этот должен был сложиться в сознании автора еще до этих событий и, понятно, в процессе этого сложения на построении труда и на всем мирозерцании автора отразилась чадная обстановка небывало напряженного развития националистических инстинктов, искусственно разжигавшихся правившими в Армении дашнаками, а в Грузии меньшевиками, дважды обманувшимися в течение 1920 года в своих надеждах продолжать игру на национальной розни между народами Закавказья, поскольку выбиты были из рук грузинских меньшевиков их козырные карты, в апреле - мусаватистского производства, в ноябре - дашнакского.

В тот период всяческая брань, притом огульная, против памятников армянского искусства и их творцов была вполне ко времени и ко двору.

К сожалению, проф. Чубинашвили, пересматривая, как он сообщает, свою работу в 1928 году и в 1930 году, проглядел, но не пересмотрел свое дофевральское мирозерцание, сложившееся не в течение долгих лет, а как раз в период, когда его нужно было всячески оберегать от воздействия раздравшей Кавказ, искусственно разжигаемой национальной розни.

Начиная свою деятельность на Кавказе в 1918 году, проф. Чубинашвили не страдал националистическими предвзятыми, надуманными, искусственно заостренными настроениями. Посылая на Кавказ, в Тбилиси, на должность члена Кавказского историко-археологического института Академии наук Г. Н. Чубишова, покойный акад. Н. Я. Марр справедливо видел в нем талантливую

исследователя, долженствующего строго научной разработкой вопросов истории искусства Грузии и Армении поставить исследование этих важнейших страниц общечеловеческой культуры на строго научную почву.

Едва ли случайно то обстоятельство, что книжка проф. Чубинашвили, посвященная Мцхетскому храму Креста, русским переводом полного текста которой открывается его настоящий труд, и написанная, очевидно, в начале всей его работы, поскольку в 1920 году она уже печаталась, - свободна от этих националистических выпадов: когда она писалась, еще не назрело время последнего, агонийного, напряжения националистической травли.

Проф. Чубинашвили ознаменовал установление грузинским народом Советской власти написанием своего обширного труда. Мы будем бесконечно рады, если он отметит в своей научной деятельности 21-й год Советской власти в Грузии – подлинно коренным пересмотром своей книги, под углом зрения марксистско-ленинской методологии, с устранением всяческих проявлений научной и литературной неряшливости, с устранением настроений, как любит говорить проф. Чубинашвили, "пройденного этапа" (давно пройденного этапа), сохранив в книге свою горячую любовь к предмету непосредственного исследования, к грузинской архитектуре, восстановив в себе утраченное в 1919-20 гг. чувство уважения к культуре и искусству других народов и, в частности, армянского народа, не теряя при этом критического отношения к исследуемым явлениям, независимо от того, были ли они созданы армянским или грузинским зодчим, освободив грузинскую культуру, грузинское искусство от навязанного ей автором положения "блестящей изоляции", отразив в своем труде неразрывную связь грузинской архитектуры со всем ходом истории грузинского народа, словом – сделав этот свой многолетний труд подлинным вкладом в советскую науку.

Сейчас же, в таком виде, как он представлен в Издательство Академии наук, труд проф. Чубинашвили советскому читателю не нужен.

За годы Советской власти наука в Грузии развилась и поднялась на громадную высоту. Каждого советского научного работника радует явившееся результатом этого роста постановление Советского правительства о создании Грузинской академии наук. Достоинству грузинской науки труд проф. Чубинашвили, в том виде, как он представлен в Издательство Академии наук, ни в какой мере не соответствует.

Именно это обстоятельство обязывает меня, представляя, согласно предложению Редакционно-издательского совета Академии наук Союза ССР, свой отзыв о труде проф. Чубинашвили, направить одновременно этот же отзыв в Центральный Комитет КП/б/ Грузии.

Носиф Орбели

17.1.1941 г.

В присланных трех рецензиях на мою работу "Памятники Джварского типа. Исследование по истории грузинского искусства" я не нашел, к сожалению, такой критики работы, которая бы, отметив положительные стороны (такие имеются в работе, судя по отдельным прорвавшимся словечкам рецензентов, как, например, "высокие качества", "прекрасные страницы" (Орб., с. 5) или "богатый и ценный материал" (Як., 6), указала бы затем на места, подлежащие исправлению, уточнению, пополнению из-за упущенных мною материалов или ускользнувшей от моего знания научной литературы. Вместо всего этого раздраженное гневное приписывание мне установок и утверждений, которые рецензентам удается, однако, подтвердить только взятыми в кавычки словами или фразами, вырванными из живой, действительной связи, из контекста и получившими благодаря этому совсем другой характер, чем они имеют в тексте у автора.

Меня очень огорчило такое неправильное понимание: возможно, что во избежание таких кривотолков, а главное во избежание возможного огорчения читающих, следовало смягчить выражения, не меняя существа. Не могу не сказать, что такая последняя шлифовка всегда проводится во время печатания, когда выправляются и другие шероховатости.

Академик Орбели и его помощники, Токарский и Якобсон, имеют сказать РИСО АН СССР все только одно и то же. А именно: 1) Чубинашвили ругает памятники армянской архитектуры, при этом все целиком, по заранее принятой установке, злостно. В пылу такого утверждения Орбели не замечает, что в приводимой им из Чубинашвили со с. 229 цитаты написано об армянской церкви Гаяне в Эчмиадзине: "Если иметь в виду значительность ц. Гаяне как художественного произведения..." (с. 11), значит художественную значительность ц. Гаяне Чубинашвили подчеркивает. Или здесь имеем дело с проявлением к этому выдающемуся памятнику равнодушного, пренебрежительного отношения, как оно укоренилось в армянском буржуазном обществе в силу некоторых сторонних обстоятельств в дореволюционное время?

2) Чубинашвили утверждает изолированность развития грузинской архитектуры, он отрицает "какое бы то ни было окружение и реальную историческую среду" (Орбели, 6). А ведь из чтения рецензий получается впечатление, будто единственным содержанием книги

является выяснение зависимости армянской архитектуры от грузинской, т. е. об изолированности при этом невозможно говорить. Или по Орбели неизоллированность какой-нибудь культуры и признание культурного окружения только тогда имеет место, когда утверждают зависимость и подчиненность ее от других?

Помимо этих двух прегрешений, - если бы утверждение это отвечало действительности, то, правда, страшных прегрешений, - имеется еще ряд других. Книга Чубинашвили изобилует иностранными словами, совершенно излишними в русском языке и имеющими русские эквиваленты. Я не берусь подсчитывать количество употребляемых мною иностранных слов, не стану утверждать, будто их не употребляю, но никогда еще не замечал, чтобы они затрудняли понимание сказанного. Во всяком случае, в довольно обильно приводимых тремя рецензентами цитатах из моей книги таких случаев не имеется, как и употребления иностранных лишних слов. Орбели не понравилось применение слов "кафедрал" вместо собор, "маркашпый" и "бруталый" (Орб., 2), - на мое ощущение употребление их вносит нюансы, которые отличают их от переводных соответствий.

Кроме того, книга Чубинашвили вообще "в высшей степени перышлива" в отношении языка. Орбели предлагает даже исправить "явно механически и притом неграмотно переведенное выражение "хорошее желание" (с. 319) на - "добрая воля" (Орб., 2). Однако его привычная редакторская рука ввела его в заблуждение: "добрая воля" в указанном месте не отвечает содержанию, правда, прилагательное "хороший" может быть вычеркнуто. Выражение "натурные образы" также опорочено Орбели (с. 2) - для этого можно подобрать и другой оборот, хотя выражение образовано от обычного у художников словоупотребления "натура".

Далее, по мнению Орбели, текст "изобилует фразами и целыми периодами, понимание которых чрезвычайно затруднено по несоответствию их русской грамматике" (с. 3). Впрочем, это происходит не от того, что автор не владеет языком. Орбели прямо заявляет, что автор "прекрасно говорящий по-русски" (с. 4). Тогда, казалось бы, коллега-рецензент мог бы отметить замеченные им места, а не нарочитым выкраиванием коротких обрезков изложения создавать впечатление галиматии (как на с. 3-4).

Брошен затем (с. 4-5) упрек, будто исследование "представляет, в сущности говоря, не единое цельное построение, от начала до конца продуманное... а некую плохо слаженную мозаику... из частей, которые

в ряде случаев противоречат друг другу" (с. 5). Все это утверждение не документировано ни единым примером, хотя, конечно, указываясь Орбели явление было бы действительно коренным дефектом работы. Однако даже простой просмотр оглавления книги доказывает органичность ее построения и постепенность изложения мыслей и выводов, обобщений по вопросу в целом.

Прочтя название работы, Орбели полагает (с. 5-6), что подзаголовком, данным для расшифровки того, к какому отделу искусства и, пожалуй даже, что вообще к истории искусства относятся "Памятники Джварского типа", отрицается монографический характер ее: он хочет, чтобы тут опять было повторено все то, что говорится в общем изложении истории грузинского искусства и что, при чтении монографии, должно быть известно читателю из истории Грузии вообще. Он не останавливается перед тем (с. 6), чтобы, откинув указание на закономерность создания типа Джвари, подготовленного предшествовавшим развитием, превратить его в пустое и беспочвенное утверждение, имеющее будто бы всеобщее значение. Конкретное перечисление условий, при которых была создана композиция Джвари, он превращает в утверждение, будто по Чубинашвили "новые памятники архитектуры создаются потому, что, с одной стороны, потребности культа и вообще рост христианства требовали все больших и больших по вместимости строений; с другой стороны, зодчие... обладали также и вновь выработавшимися методами и приемами для наиболее выразительного выявления этих задач" (с. 80) (Орб. 6).

Но и самый заголовок книги "Памятники Джварского типа" он считает порочным: так как грузинское слово "Джвари" означает в переводе на русский просто "крест", то в этом-де сказывается какая-то "крестобоязнь" (1) Чубинашвили (Орб., 5). Орбели делает вид, что не знает, что уже столетиями и эта именно церковь известна под ставшим собственным именем наименованием "Джвари"; впрочем, это пояснено где-то в тексте, и соседнюю маленькую церковь я, в отличие от большой, от Джвари, всегда именую "Малой церковью Креста Мцхетского". Следовательно, ни крестобоязнь, ни крестопоклонством я не страдаю! И введение такого термина не создает, да и не стремится создавать востоковедного ("мнимо-востоковедного") характера.

Таковы по трактовке их в рецензии пороки работы Чубинашвили. Они являются плохо прикрытым вступлением для разворота основного обвинения. Но до перехода к нему нужно внимательно остановиться на его утверждении о теории "блестящей изоляции" (с.

16) грузинского искусства, т. е. на утверждении о неправомерной методически установке работы.

Орбели вырывает одну вступительную фразу предисловия ко всей книге и перетолковывает ее по-своему совершенно вразрез со всем последующим. В этой фразе заключается, так сказать, программное заявление о том, что Грузия тоже, как и различные другие народы, имела в прошлом свое определенное, отличное от других, а не растворившееся в чужеземных влияниях и формах искусство, которое таким образом может и должно быть рассматриваемо в научном освещении как отдельный представитель искусства христианского Востока. Акад. Орбели замалчивает все дальнейшее изложение того же предисловия, где определенно сказано: "Лишь после четкого выявления этих особенностей, а также, чтобы лучше понять своеобразие данного художественного произведения, возможно проследить нити, связывающие его с другими культурными кругами. Эта связанность является характерной чертой для всей исторической жизни культурного человечества - повсеместно и во все времена" (Чуб., с. II). Неужели это не ясно сказано, непонятным или неряшливым языком?! А как же тогда нужно расценивать все выпады Орбели о "недоучете элементарных научных требований" (Орб. 6) выявления взаимоотношений культур? Именно акад. Орбели должен был оценить то, что исследованию поставлены жесткие рамки изложения, что и дало впервые возможность монографически, с возможной полнотой проанализировать одну группу памятников, имеющих, по признанию самого же Орбели, "первостепенное значение" (Орб., 4). Тем более, что ему не должны были бы быть неизвестными освещение этой эпохи грузинского искусства в 1 томе моей *ქართ. ხელოვნ. ისტორია* или хотя бы в сжатом изложении намечающих только основные вехи развития "Пути грузинской архитектуры" (изданных и по-русски). Если 40 лет тому назад Н. Я. Марру с университетской кафедры и в университетской среде нужно было в горячем выступлении доказывать право на самостоятельность и требовать признания этого права для научных отраслей кавказоведения – арменистики и грузиноведения, то сегодня история грузинского искусства и история армянского искусства имеют все права отстаивать свою самостоятельность, как науки. А что это признание еще нужно завоевывать, знает не хуже меня Орбели, недаром он тоже в изданной Эрмитажем книжке "Памятники эпохи Руставели" (с. 8) принужден протестовать против того, чтобы "считать Грузию культурной рабой Византии". Как нужно в таком случае расценивать выступление Орбели?

Он находит далее уместным (с. 7) правоучительно советовать изучение (в качестве образца) трудов покойного акад. Джавахадшвили и в связи с этим опять умелым ходом перетолковывает по-своему мое заявление, что в истории искусства "искание "происхождения" той или иной готовой формы или явления" сегодня уже должно считаться изжитым научным подходом. Я говорю, конечно, именно о **готовой**, но не о слагающейся форме, не о развитии той или иной формы или явления. Орбели же перетолковывает по-своему мое заявление, как будто я отрицаю надобность изучения развития и его путей; и будто я и не даю никакого освещения их в книге. А ведь даже по заголовкам отдельных параграфов исследования, как то "Место данного архитектурного типа в развитии грузинской архитектуры" (с. 80-83), или "Развитие форм плана" (с. 93-104), или "Развитие типа в общем" (с. 236-242), видно, что исследование устремлено на выяснение эволюции. Тем более, что делается ясным по всему характеру изложения, в котором на всем протяжении привлекается и используется научная литература по памятникам Передней Азии и Европы для установления параллелей и развития (чего специалист не может не заметить при простом перелистывании книги). И действительно, новейший этап развития истории искусства, как науки, отстраняет искание готовых форм и их применения или использования, а яснее стремится к установлению условий развития и самой картины развития вплоть до такой готовой формы. Оказывается, что академику Орбели и его сотрудникам (быть может, как не специалистам в этой области) такая установка неизвестна. Впрочем, например из обстоятельного экскурса на трех страницах в примечании с. 267 по вопросу орнаментального мотива виноградной лозы он мог бы, если бы на то была его добрая воля, понять, о чем речь в предисловии, когда и слово-то "происхождение" поставлено (недаром, конечно!) в кавычках.

Таким образом, сделанное акад. Орбели указание на методологический дефект работы, будто в ней недостает – и притом в силу принципиальной установки автора – "выяснения источника исследуемого ею явления и путей его развития", не отвечает действительности.

Непосредственно за этим следует главное обвинение против моей работы (занимающее с. 7-17 рецензии). Это – обвинение в преднамеренном поношении армянской архитектуры и тем самым армянского народа. Такого морального надення от акад. Орбели я не мог, признаюсь, ожидать. Мне кажется и сейчас еще, что он меня

достаточно хорошо знает (независимо от печатных работ), чтобы спокойно приписать мне такую низость и мерзость, - мне, положившему столько любви и труда с давних пор не только на изучение армянского искусства, но и на простую чистку, мойку, составление фрагментов армянского искусства и древностей в Ани, охраны их, расстановку на полках и картонах и т. д., и т. п. И так как это единый голос как его, так и его помощников (один из которых не обвиняясь призывает на мою голову §123 нашей Конституции), то я опять с недоумением задаю себе вопрос – что побудило Орбели к такому недобросовестному выступлению?

Допустимо ли, чтобы в книге, касающейся памятников **одной** композиции, построенных в течение, скажем, 23-30 лет и затем нескольких позднейших вариаций той же темы, т. е. ограниченного количественно и специфического по композиции набора архитектурных памятников, был повод утверждать, что "вся армянская архитектура оказывается не чем иным, как "рабским" и "бездарным", "бесталанным", "неумелым", "беспомощным" подражанием грузинской архитектуре" (с. 7). Не читая даже книги, я думаю, каждый занозодрит, что это есть клевета и нарочитое измышление, чтобы очернить автора. Я думаю, что академику Орбели не было нужды нравоучительным тоном поучать далее, что "нужно потерять всякое чувство уважения к восхваляемому, действительно высокому произведению искусства, чтобы, напр., говоря о красоте стиха Пушкина... начать поносить совершенно незаслуженной, нелепой, бессмысленной хулой других поэтов, выбирая при этом из их числа наиболее замечательных, наиболее прославленных... Руставели, Фирдоуси, Низами, Гете или армянский эпос "Давид Сасунский" (8).

Это все слишком элементарная, наивная истина. Но ход применен в таком обороте сознательный - внушить, будто в моей книге сделан нарочитый выбор из **всех** веков истории искусства Армении, и выбор примеров, не связанных с основной темой; а между тем в моей книге, напротив того, все жестко и четко ограничено основной темой "памятников Джварского типа", рассмотренных в отношении один к другому, а также развитию производных **от** этого типа. **Только** входящие в эти рамки памятники и затронуты мною. Следовательно, ничего общего с его разговором по поводу Пушкина о Руставели, Фирдоуси, Низами или Давиде Сасунском – здесь нет. Но самое-то главное заключается в том, что ни о какой хуле и речи нет. Хула – есть брань, ругань, т. е. оскорбление, лишенное к тому же всякого определения и обоснования заключающейся в нем характеристики.

Мое же изложение построено на предварительном четком выяснении свойств и качеств рассматриваемых памятников, при этом, совершенно без всякого оттенка неприязни к тем или иным из них, в частности тем более армянским, так, например, на с. 270 я даю разбор орнамента виноградной лозы, приведя несколько различных групп, чтобы подчеркнуть и яснее выявить качество того орнамента в Джвари, а именно изображение его на известной равеннской (Италия) кафедре Максимиана, на столбах из Акре в Венеции, на типичных сирийских примерах и на фрагментах армянской церкви Звартноц; или на с. 305-309, сравнение композиции вознесения Креста над южным входом в Джвари, в которой имеем переработку композиции, насчитывающей десятки примеров у разных народов Передней Азии и Европы в ту эпоху, причем они разбиты на группы, подвергнуты рассмотрению и анализу и им дана каждый раз своя оценка по сравнению с другими. Если же в характеристике и определениях я применяю не безличные, бесхребетные выражения, а включающие четко и определенно также и качественную оценку сделанного, то, казалось бы, кто-кто, а Орбели-то, ученик и ближайший продолжатель научного дела не одного только Н. Я. Марра с его ломающей все установленные условности деятельностью, но и такого глубокого и независимого исследователя, как старший хранитель Эрмитажа Н. И. Смирнов, должен был бы приветствовать эту работу по изучению также и армянских памятников, проводимую мною сейчас, - как 20-25 лет тому назад он радовался моим напечатанным в "Христианском Востоке" статьям или "Отчету о деятельности Анийского Музея древностей за 1916 г." с заключенными в них существенными поправками датировок отдельных из Анийских памятников. Но нет. Сегодня академик Орбели каждый строгий научный анализ художественной стороны отдельных памятников Армении, хотя бы даже подводящий фундамент под его собственные сомнения и пометки, высказанные на основании произведенного раньше разыскания над надписями таким памятников, хочет изобразить как посягательство на честь и славу армянского народа.

Задача научного исследования памятника архитектуры заключается не в том, чтобы по трафарету, повторяя традиционные дедовские оценки, "восхищаться предметом своего исследования", а в том, чтобы, анализируя памятник, выделить и формулировать все его качества (по содержанию и с оценкой) и увязать в историческом процессе. Поэтому, если в отношении изучаемых в моей книге четырех памятников Джварского типа в Грузии выяснилось, что сама эта

композиция создана как своеобразное развитие простой тетраконха (известной, конечно, по разным странам) именно в Грузии и потому она не может считаться импортированной, а рядом с этим памятники того же типа в Армении, представляющие обособленную группу, в ряде характерных черт показывают связь с грузинскими, то естественно было высказать эту простую мысль о зависимости армянских памятников данной группы от грузинских, хотя бы до этого утверждали, но без приведения единого доказательства, а лишь в силу домыслов, обратное, и хотя бы к числу утверждавших это лиц относились проф. Стриговский или даже Н. Я. Марр. Ясно при этом, что сделанный из этого акад. Орбели вывод, будто по моей концепции "формы грузинской архитектуры становятся... предметом своеобразного экспорта, без каких бы то ни было признаков импорта" (с. 8), т. е. на протяжении всей полуторатысячелетней (или более) истории Грузии и Армении, – есть опять недобросовестная подтасовка и искажение.

Орбели встал теперь на когда-то подвергнутую им же сомнению традиционную позицию утверждения не проанализированных и недоказанных вещей. Это явствует из его заявления о том, что ц. Рипсима в Эчмиадзине есть "замечательный памятник архитектуры" (с. 9), точно так же ц. Сиона в Аteni (с. 9). Когда-то Орбели высказал справедливое сомнение в том, постройка ли католикоса Комитаса (т. е. 618-619 г.) ц. Рипсима? И вместо того, чтобы продвинуть этот важный для понимания хода эволюции армянской архитектуры вопрос, к пересмотру которого уже арх. Торамания давал важный материал, он ныне с яростью и неистовством обрушивается на попытку подойти к освещению этого вопроса, данному в моей книге, но благоразумно воздерживается от того, чтобы хоть один из дефектов в исполнении задания, послуживших мне для отрицательного суждения о Рипсима, подвергнуть критике или опровергнуть. В отношении Атенского Сиона он не понимает, что это здание действительно является в смысле своих форм "до мелочей точное, ничего нового не приносящее, ничем не отличающееся повторение образца" (с. 9); он не удосужился проверить это сопоставлением планов Джвари и Атенского Сиона, их разрезов и фасадов (для чего достаточный материал имеется хотя бы в моей *ქართ. ხელო. ისტორია*, раз он не имел иллюстраций книги). Он изумлен, как же тогда Сион не является столь очаровательным, как и Джвари? Для обывателя или дилетанта такое непонимание было бы простиительно, но для директора мирового хранилища произведений

искусства, как Эрмитаж, да еще для прочитавшего, как нужно предполагать, рукопись моего исследования, это более чем непростительно: в книге ясно сказано, что отрицательная оценка дарования архитектора Атенского Сиона выясняется из полного игнорирования им иного расположения Сиона на своем участке по сравнению с Джвари; благодаря этому изменению – подходы к храму иные, чем в Джвари, фасады, доступные обозрению вблизи, также иные, а следовательно для данного положения требовалось перекомпоновать входы, окна, распределение декоративных рельефов и частично даже фасадных массивов. Ничего этого архитектор Атенского Сиона не сделал. Ясно, что это вызывает отрицательную оценку таланта архитектора и что такая оценка может быть установлена только научным анализом, сравнением; на непосредственного посетителя же высокие качества образца, точно здесь скопированного, неизменно произведут и производят фактически на каждого (и на меня в том числе) очаровывающее впечатление. Особенно если еще прибавить к этому фресковую роспись, заблиставшую теперь несравненно благодаря расчистке, произведенной Отделом охраны памятников культуры. Чтобы представить мою тенденциозность, Орбели вопрошает, почему же я определяю "архитектуру Сиона, как безобразное, уродливое, бесталанное сооружение" (с. 9) и находит ответ этому в том, что строитель его был армянин (с. 9). Попутно цитирует, что в уборе барельефами проявлена самостоятельность и что это-то, по моему мнению, может объяснить приглашение "чужестранца" к выполнению работы в Грузии (с. 9-10). Он возмущен таким определением атенского архитектора Тодосака, считая, будто "теснейшая неразрывная культурная связь этих двух народов" (Орб., с. 10) в том же VII веке снимает самый вопрос о различии народов и государств, и будто армянин Тодосак не был, не должен был быть иностранцем в Грузии.

Затем снова идет заявление о будто бы "неуклонном стремлении снабдить каждый памятник армянской архитектуры в лучшем случае нелестным, а чаще всего – бранным эпитетом, каждое явление армянского искусства, и в том числе и богатейший армянский орнамент, очернить и занятать" (с. 10).

Но ничего, кроме двух примеров, той же ц. Рипсима и Звартноца, - он не приводит (с. 11). Однако, где цитаты содержат прямые конкретные указания, в чем заключается отрицательная сторона ц. Рипсима, там он ничего возразить против моих утверждений не находит: если в постройке углы перекошены, то хвалить этого не

приходится; если сопоставление с небольшой деревенской постройкой служит не в пользу ц. Рипсима - опять не приходится хвалить у барабана вместо башенок с лестницами просто прилены – то же самое; если самое повторение разработанного архитектурного типа в ц. Рипсима не только не улучшает его, но, напротив того, вводит не оправдываемые искажения геометрических форм, создает разбитые массы и т. д., то не приходится петь ее зодчему хвалу, а честно и открыто заявить, хоть это идет вразрез с ходким мнением дилетантов, что он не блещет талантом.

Как же не прийти к печальному заключению о том, что ближайший ученик акад. Н. Я. Марра, двадцать лет работник и даже директор Эрмитажа, вернулся на позиции, характеризованные когда-то в следующих словах: "Традиционное армянское понимание национального прошлого, с ограниченностью кругозора и самодовлеющим панегиризмом, неизбежными спутниками всякого завещанно-национального исторического построения, сообщилось и современным ученым европейцам" (Н. Марр. Ани, 1934, с. 11).

Точно так же в отношении орнаментики. После целого ряда примеров стилизованной виноградной лозы из сирийских храмов и их характеристики и оценки, я привожу близкий и доступный советскому читателю, аналогичный по стилю, пример из Звартноца в Эчмиадзине. Для пояснения, что такое совпадение с сирийской резьбой не есть результат заимствования, а самостоятельное, независимое, свое, мною сделано общее замечание о характере орнаментальной резьбы армянских храмов. А именно, я подчеркнул, что "вообще вся орнаментная резьба архитектурных произведений Армении характерна чрезвычайной точностью, детальностью, расчетом, но без ощущения подлинности, жизни и свободного размаха движения линии" (с. 274 книги). Но разве же "чрезвычайную точность, детальность расчета" можно считать и "отрицательными чертами" (с. 12)?! Впервые это узнаю от Орбели. А что нет других качеств, так это также несколько не умаляет - по крайней мере, по моему глубокому убеждению – армянской архитектурной орнаментики. Как в свою очередь отсутствие "точности, детальности и расчета" ничего не прибавляет другим. А что, может быть, это не нравится академику Орбели, я в этом не повинен.

Что я думаю относительно ц. Ишхани, в которой фрагменты построили в VII веке, что является в высшей степени ценным, хоть и не "наиболее ценным", как утверждает Орбели (с. 12), из всего стоящего храма, он мог бы свободно узнать из յան. նշլ. օճղորոտ

или из "Путей груз. архитектуры". И при добросовестном отношении Орбели не сослался бы на N54 путеводителя арх. выставки, ибо Ишхани приведен там среди памятников от X до XII веков. В указанных же работах Орбели мог бы узнать, что Персеса я за грузина не выдавал; а что он был ишханским епископом до возведения на армянский католикосский престол, - этого и Орбели, надеюсь, не будет отрицать. Относительно же его постройки в Ишхане - вопрос подлежит расследованию, до которого - хочется верить - удастся дожить; но а Priori этот вопрос решить нельзя, можно лишь гипотетически предпологать.

Таким образом утверждение Орбели и Якобсона и Токарского, которых он считает глубоко правыми за приписывание мне тенденции "хулить все созданное армянскими зодчими и мастерами, все явления армянского искусства" (sic!), - является умышленно возведенным поклепом, клеветой с целью явно дискредитировать мою научную работу, как "нездоровую и политически вредную концепцию" (Орб., 13). Итак, чувство ответственности за слова Орбели явно потерял.

Но он продолжает свою злостную выходку еще на остальных страницах (13-17) рецензии. Орбели в приподнятых словах стремится убедить, что научное выяснение места, исторического и художественного значения нескольких архитектурных памятников, их низкая оценка, как произведений искусства, будто хоть на йоту затрагивает честь и славу армянского народа, счастливого собрата всех народов Великого Советского Союза, - армянского народа, сохранившего сотни памятников искусства и архитектуры выдающегося и никем не оспариваемого значения. По Орбели выходит, что грузин имеет право выяснять, устанавливать в научном анализе недостатки тех или иных произведений **только у грузинских** произведений; если же он пришел к таким результатам при изучении произведений какого-либо другого, братского народа, он должен молчать и скрывать эту истину. Т. е. опять выходит, что излагать во взаимосвязи развитие грузинского искусства, с выявлением "окружения и реальной исторической среды", значит показать зависимость ее от соседей и пр., ибо показ влияния грузинского искусства за пределы родной страны есть преступление. Это как будто не лучше "гогтентотской морали", только наизнанку!

Вся эта злостная выходка Орбели, после выяснения отсутствия каких бы то ни было оснований для его низких утверждений, отпадает сама собой. На протяжении 25 лет научной работы я с удовлетворением вспоминаю нередкие случаи обращения ко мне по

желать. Этот результат является у него не плодом специального поиска [у Токарского выписано: "искажения"] зодчим, а **только** очень интуитивным, подсознательным выражением иной национальной формы в искусстве: именно различием грузинского и армянского восприятия" (Ток., 4). Неужели же непонятно, что здесь речь об определенных облюбованных пропорциях, соотношениях ширины граней друг к другу - различных в Армении и в Грузии. А тот результат, что при этом в Сионе получилась недостаточно четкая форма (т. е. качественная сторона результата), конечно, есть и может быть только следствием недостаточной одаренности. Итак, Токарский сражается с воздушными мельницами!

Чтобы шире (!) обосновать свое утверждение о ненавистничестве Чубинашвили, он дает также из двух других моих работ отдельные, вырванные из связи фразы. Все это ничего нового не прибавляет и для внимательного и вдумчивого читателя не может – чисто внешне даже – не произвести изумляющего впечатления. Токарский объявляет, что Чубинашвили принципиально считает, что армянские архитекторы не могут "создавать полноценных... художественных произведений" (с. 6), что он "проводит свои взгляды" при всяком случае, даже в юбилейном сборнике Давида Сасунского, доказательством чего идут цитаты на нескольких страницах (6-10). Все они, однако, относятся только до двух групп памятников (или 10 штук), рассмотренных на 12 страницах текста, тогда как вся статья Чубинашвили в названном сборнике занимает 40 страниц (17-56). Токарский умалчивает о характеристике других четырех групп архитектурных памятников (на 23 стр.), в число которых входят такие выдающиеся строения, как Ширакаван, Ахтамар, Гагиков храм в Ани, собор и церковь Апостолов в Ани, как и о других частях статьи. Но ведь если бы Чубинашвили действительно ставил себе задачей хулить все армянские памятники, то... А Чубинашвили пишет совсем иное, и в заключительной части говорит: "Тот подъем национального самосознания, которым отмечен IX век в истории Армении... определяет также характер искусства Армении этой новой эпохи. Прежде всего в нем сказывается самостоятельность творческих исканий – создаются новые композиции, выдвигаются новые элементы убора и новые узоры в декоре. И все это новое есть продукт органического развития из основ предыдущих эпох культурной жизни и творчества. Рядом с новым продолжает в увязке с ним переживать та или иная сторона, элемент, даже целая форма или композиция предшествовавшего времени, но всегда с известным претворением

согласно установкам своего времени. Свыше целого, понадобилось для того, чтобы эти искажения новых форм, нового выражения к концу X века отложились в такие формы, как Анийский собор - "одна из последних церковных построек эпохи царей, сохранившаяся до наших дней, несмотря на гибель купола, во всем великолепии его архитектурных линий и художественной декоративной резьбы..." (с. 55).

Тут дело не только в недостаточности у рецензента простой добросовестности, а связано оно с недостатками научной подготовки вообще и в особенности искусствоведческой. Ибо чем же иначе объяснить, что рецензент в своих суждениях наивно, без всякой критической проработки научными методами руководствуется для датировки памятников теми или иными сообщениями историков или надписей (часть с подмоченной уже изысканиями самого Орбели или Марра репутацией), стараясь подогнать к указываемому ими времени описание орнаментов (Ток., 9). Поэтому он позволяет себе пускаться в длинные рассуждения о значении сведений грузинских историков касательно построек вокруг Креста Мцхетского (Ток., 13-16) и понутно объявляет приводимую у меня хронологию первых эрисмтаваров (с Гуарама I до Степаноza II) не установленной и во всяком случае неправильной. Что Токарский мог это написать – куда ни шло, но что это одобрил академик Орбели, ведь хорошо знающий труды И. А. Джавахишвили, где все это стоит точка в точку (см. ახლად აღმოჩენილი უძველესი ქართული ხელნაწერები, ტფ. უნივერ. ბიბლიოთეკა) достойно изумления! Все выкладки Токарского о том, что Адрнерсе не был членом семьи Степаноza, опровергаются надписью постамента самого мцхетского Креста, открытой работами Отдела Охраны за время нахождения моей рукописи в РИСО. Покойный академик Джавахишвили по ознакомлении с этим открытием сам сказал мне, что надпись подтверждает мой анализ об одновременности и цельности композиции трех портретных барельефов восточного фасада Джвари, изображающих Степаноza I Патрикия, и ипатиев Деметрэ и Адрнерсе, и о построении ими Джвари (как известно, покойный раньше думал, что надпись рельефа Адрнерсе относится ко времени его правления. Так же уверенно Токарский утверждает (с. 10 прим.), будто историк Сумбат пишет именно о построении Баны и никак не о перестройке, не подозревая, очевидно, трудностей понимания текста, или – о вопросах размежевания населения в те или иные эпохи (Ток., 11).

Стилистический анализ памятника для Токарского также

неподходящий метод научной работы; он не склонен "углубляться в (такие) дебри" (с. 13), а Якобсон это квалифицирует как формализм (Як., с. 1). В этом я узнаю "школу" Орбели. Но поэтому-то Токарский не только не умеет понять различие памятников конца IX, начала X веков от памятников конца X, начала XI (Ток., 7, второй абзац и 7-8), но также памятников VII века от таковых IX-X и найти фактические примеры связывающих эти эпохи памятников VII-IX вв. (ср. Ток., 12). Вот почему он не может понять, что если какое-нибудь художественное явление по своему стилю занимает в своем народном окружении изолированное положение, то нужно искать этому объяснение и оно по существующей практике лежит где-нибудь вне пределов родной культуры (лоза в Одузне или план Алийского собора, Ток., с. 5-6 и 7 и аналогично Атенский Сион). Конечно, при таком положении дела не могут уже удивить и дальнейшие домыслы Токарского (с. 16-18) о том, что церковь в Аване, построенная католиком Иоанном, умершим "около 609 г.", возведена вне всякого знания о Джвари, "возможно даже" тогда и не начатой еще строительством! Естественно, полагая метод стилистического анализа не более, как субъективным соображением, а историческую критику и установленные исторические факты попросту игнорируя, ничего не может быть легче, как создавать сказочные построения по присказке - если бы да кабы, да во рту росли бобы... (ср. Ток., 17). Поэтому и его "вымышленному случаю из раскопной практики в Армении" и вводным к нему замечаниям должен сделать следующие признания. Признаюсь, что мне действительно "неизвестно, что еще находится под землей" (впрочем, так же, как Токарскому или Стриговскому), но из-за этого сидеть сложа руки и ничего не делать я не могу и не хочу; об Арамусе и Кара-Килиса (Ток., 17) я знаю достаточно для того, чтобы упомянуть на своем месте; считаю, что нехорошо идти в своей настойчивости так далеко, чтобы утверждать, будто в моих "Путиях грузинской архитектуры" "совершенно ничего не сказано об архитектуре Тао-Кларджети" (Ток., 18), когда там фигурируют и Бана, и Ишхани, и Ошки и др., лежащие все именно в Тао-Кларджети; впрочем, таков вообще, видимо, метод не "неряшливой" работы Орбелевской школы; тут невольно задаешь себе вопрос, почему же никем из трех рецензентов ничего не сказано о том, что Чубинашвили "характеризует" и грузинские памятники такими же "бранными" словами - привожу примеры, на которые наткнулся при проверке цитат моих рецензентов: о плане Чамхуса - "надуманность" (97), о Малой Шуамте - "игрушка" (99), о Квстере - "декоративная игра"

(100), о Ниноцминдском кафедрале - "совершенно беспомощно" (240).

Таковы выступления кандидата исторических наук, архитектора Н. М. Токарского.

К переизданию все того же обвинения, будто "со страниц работы низвергаются целые потоки укоров по адресу армянских зодчих" (Як., 3), в рецензии Яковсона (впрочем, хронологически самой ранней, судя по дате) прибавляется следующее: он наводит туман на читателя новой выпиской со с. 101 - "психологически-необходимое развитие". А применено это выражение как раз в опровержение приема - действительно формалистического - конструировать развитие архитектуры из типологического ряда простейших форм, переходящих в более сложные.

Поучение Яковсона (с. 3), что наружные ниши фасадов и. Рипсима вызваны стремлением дать "адекватное наружное выражение внутренней производственной композиции", вовсе не снимает для Армении VII века самого вопроса о фасаде, как художественной задаче. А она-то в Рипсима не выдалась!

То, что его сподобило заключить свою рецензию заявлением: "Редактировать такую работу я, разумеется, не берусь", это заставляет о многом подумать. Одно из этого отмечу. Следовательно, было скрыто или игнорировалось, что редакторами означенной книги являются (ныне покойный) акад. И. А. Джавахишвили и директор ИЯИМК (а ныне и заместитель председателя Груз. АН) проф. С. П. Джанашиа.

Г. Н. Чубинашвили

1. II. 1941 г.

ბევრი რამ მსმენია აკად. გ. ჩუბინაშვილის შრომების გამოცემებთან დაკავშირებული, საკმაოდ უჩვეულო სიტუაციების შესახებ, მსმენია მათი ავტორისაგან, ჩემი ძვირფასი მასწავლებლისაგან, რომელიც იმუიათად და, უთუოდ რაღაც აუცილებლობის გამო, გაიხსენებდა ხოლმე ამა თუ იმ ეპიზოდს, ისიც ზოგადად და, რა თქმა უნდა, უხალისოდ. საუბარი მტკივნეულ საკითხებზეც ჩვეული სიდინჯით იცოდა, მაგრამ ზოგჯერ ემოციასა და გაღიზიანებას მაინც ვერ ფარავდა. ბუნებრივია. მას ბევრი დაბრკოლებების გადალახვა მოუხდა ცხოვრებაში, ბევრი უსიამოვნებაც იწვნია, მაგრამ ყოველთვის იყო პრინციპული, შეუპოვარი, არდამთმობი, ჭეშმარიტებისათვის და ამით ქართული ხელოვნების სათანადო დონეზე წარმოჩენისათვის ბრძოლაში.

ამ ბრძოლის დეტალების შესახებ უფრო მეტი გამიგონია მისი პირველი მოწაფეების, მის მიერ დაარსებული საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ქართული ხელოვნების ისტორიის ინსტიტუტის (ამჟამად მისი სახელობის ინსტიტუტის) უფროსი თაობის თანაშრომლებისაგან, რომლებიც ათეული წლების მანძილზე გასაოცარი ვაბედულებითა და ერთსულოვნებით იცავდნენ საკუთარ ეროვნულ-მოქალაქეობრივ თუ მეცნიერულ პრინციპებს მათ შორის გამორჩეული ადგილი ამთავითვე დაიკავა აკად. გ. ბერიძემ, რომელსაც ეს პროცესები შესანიშნავად აქვს გადმოცემული თავის მოგონებებსა და ცალკეულ ნაშრომებში. უკვე გვიან, 60-იან წლებში, ერთ ანალოგიურ ფაქტს მეც შევესწარი. მაგრამ ის, რასაც ცნობილმა არმენოლოგმა, ფილოლოგიის მეცნიერებათა დოქტორმა – ბონდო არველაძემ მიაკვლია არც ჩემთვის და მგონი, არც სხვებისთვის არ იყო ცნობილი.

მწელად და მძიმედ იბადებოდა ქართული ხელოვნებათმცოდნეობა, როგორც მეცნიერული დისციპლინა, უფრო მწელად, ვიდრე ქართველოლოგიის სხვა რომელიმე დარგი.

ჩვენი საუკუნის 20-იან წლებში, როდესაც ახალგაზრდა გ. ჩუბინაშვილს საქმიანობის დაწყება მოუხდა. მის წინაშე ორი ურთულესი ამოცანა იდგა. ჯერ ერთი, საჭირო იყო წინა თაობის მკვლევართა თუ მის მიერ დაგროვილი ზღვა მასალის კლასიფიკაცია, ურთიერთ შეჯერება, ფაქტებისა და მოვლენების დრმა ანალიზი, ქართული ხელოვნების ისტორიის, როგორც მთლიანი ფენომენოლოგიური პროცესის გაზრება და ჩამოყალიბება, მისი ცალკეული დარგების როლისა და მნიშვნელობის დადგენა ერის ცხოვრებაში, ქართული მხატვრული აზროვნების თავისებურებათა წარმოჩენა მსოფლიოს სხვა ძველი ხალხების სულიერი მემკვიდრეობის ფონზე, და მეორეც - უარყოფა ქართული ხელოვნების შესახებ უცხოელ მეცნიერთა არასწორი, პირდაპირ შეიძლება ითქვას – ყალბი, მაგრამ სამწუხაროდ, საკმაოდ ფეხმოკიდებული მოსაზრებებისა, ამ უარყოფის მრავალმხრივი დასაბუთება და, რაც არანაკლებ მნიშვნელოვანია, სწორი თვალსაზრისის გატანა ფართო სამეცნიერო ასპარეზზე.

კარგად არის ცნობილი, მაგრამ ზოგადი ფრაზით მაინც ვავიძეორებ, რომ

ორივე ეს ამოცანა გ. ჩუბინაშვილმა და მისმა სკოლამ ბრწყინვალედ შეასრულა. შედეგად შეიქმნა ქართული ხელოვნების მწკობრი მემკვიდრეული ისტორია.

აქვე მინდა შევნიშო, რომ ის, რაც გ. ჩუბინაშვილმა შეძლო გაეკეთებინა, არ იყო მხოლოდ მისი გამოორჩეული ნიჭიერების, დიდი ცოდნის, ტიტანური შრომის შედეგი. ყველაფერს საფუძვლად ედო გულანთებული სიყვარული საკუთარი ხალხისა და ქვეყნისადმი, გერტიკურად მომდინარე მისი ღვაწლმოსილი წინაპრებისაგან.

ქართული ხელოვნების დამაკინებელი (სომხურთან და ბიზანტიურთან მიმართებით) პუბლიკაციებიდან უმთავრესი – ვენელი პროფესორის ი. სტრაიოვსკის ნაშრომი სწორედ იმ წლებში გამოქვეყნდა გერმანულ ენაზე. გ. ჩუბინაშვილმა გამანადგურებელი რეცენზიით უპასუხა აღნიშნულ ნაშრომს და გამოაქვეყნა იგი, რა თქმა უნდა, გერმანულადვე, რაც მას, როგორც ლაპცივის სკოლის წარმომადგენელს ადვილად ხელუწიფებოდა. მაგრამ მკვლევარს კარგად ესმოდა, რომ რეცენზია, თუნდაც ვრცელი, დეტალური და უკომპრომიზო საბოლოოდ მაინც ვერ დაამკვიდრებდა საღ აზრს მეცნიერებაში. ეს მისია შეეძლო შეესრულებინა მხოლოდ ფუნდამენტურ გამოკვლევებს, თანაც არა ხელოვნების ნებისმიერ სფეროში, არამედ აუცილებლად შუა საუკუნეების ქართული არქიტექტურისა, რადგანაც არქიტექტურა იყო ძველი ქართული ხელოვნების წამძლილი დარგი და – უცხოელთა განქიქების ძირითად საგანს უწინარესად არქიტექტურა წარმოადგენდა.

გ. ჩუბინაშვილს, როგორც ჩანს, ჩაფიქრებული ჰქონდა გერმანულადვე გამოცემა მონოგრაფიების სერია ქართული ხუროთმოძღვრული ძეგლების შესახებ. 20-იან წლებში მოაშაბდა კიდევ ორი ტომი და მოხდა უცნაური რამ – დაიბეჭდა მეორე ტომი – „წრომი და მისი მოზაიკა“ (1934 წ.), ხოლო პირველს, რომელიც მცხეთის ჯვარს ეხებოდა, ათეული წლების მანძილზე ვერ ელირსა დღის სანათლე. უნდა ვიფიქროთ, რომ ამ ფაქტის ძირითად მიზეზს თვით ნაშრომების შინაარსი წარმოადგენდა. თუ წრომთან დაკავშირებული პრობლემატიკა მავნათათვის შედარებით ნაკლებად „მტკივნეული“ იყო, ჯვარი გ. ჩუბინაშვილის მიხედვით რადიკალურად ცვლიდა დამკვიდრებულ შეხედულებებს არა მარტო ქართული, არამედ ახლობელი აღმოსავლეთის შუა საუკუნეების ქრისტიანული არქიტექტურის, ზოგადად კი მთელი კულტურის ისტორიის საკითხებზე.

ჯვარი გ. ჩუბინაშვილმა, ნაგებობის მრავამხრივი მხატვრულ-სტრუქტურული ანალიზის საფუძველზე, წარწერებისა და წერილობითი წყაროების მონაცემების მოშველიებით, ზუსტად დაათარიღა 587-604 წლებით და ამით იგი სათავეში ჩაუყენა მისი ტიპის ქართული და სომხური ძეგლების საკმაოდ დიდ ჯგუფს. ამასთანავე, მან საბოლოოდ უკუაგდო თითქმის საუკუნის წინ შევიცარული მეცნიერ-მოგზაურის დიუბუა დე მონპერეს მიერ ჩამოყალიბებული და მამინ ჯერ კიდევ მოქმედი მთელი თეორია ქართული ხუროთმოძღვრების სომხურზე დამოკიდებულების შესახებ, რომელიც მის მიერ ატენის სიონის აშკარად მცდარ დათარიღებაზე იყო დამყარებული. გ. ჩუბინაშვილმა სრულიად ურვევი

საბუთიანობით დაადგინა, რომ ქართული – ატენის სიონის, მარტვილის შუამთის და სომხური – აენის, არამუსის, რიუსიმეს, თარგმანწყის, ადამიანის სისიანის ტაძრების პირველწყაროს სწორედ მცხეთის ჯვარი წარმოადგენდა. მკვლევარმა ნათლად გაარკვია ამ ძეგლების ხუროთმოძღვრული ღირსებები, ქრონოლოგია და ორგანულად ჩასვა ისინი ისტორიულ კონტექსტში. ნაშრომმა კიდევ ერთხელ განამტკიცა ავტორის დებულება იმის შესახებ, რომ „იმ შორეული ხანის ქართული ხელოვნება, რომელსაც სრულიად გარკვეული, ინდივიდუალურად გამოკვეთილი ხასიათი აქვს, არის წარმომადგენელი აღმოსავლურ-ქრისტიანული ხელოვნებისა, სხვა ხალხების ხელოვნებათა გვერდით და მათთან თანაბრად“.

გ. ჩუბინაშვილის მოსაზრებები იმთავითვე მყარად დამკვიდრდა როგორც ქართულ, ისე მსოფლიო მეცნიერებაში. მხოლოდ ზოგიერთები ვერ შეეგუვნ მას, რამაც მკითხველი წინამდებარე პუბლიკაციითაც ადვილად დარწმუნდება. მაგრამ მივევთ თვით ნაშრომის „თავდადასვალს“.

1922 წ. ქართულად და გერმანულად დაიბეჭდა გამოკვლევის პირველი ნაწილი, რომელიც მცხეთის ჯვრის მცირე ტაძარს ეხება. 1928 წ. კი გერმანიაში დაიწყო თვით მონოგრაფიის ბეჭდვა, აიწყო მთელი ტექსტი, ზოგიერთი მონაკვეთი გაშლდა კიდევ ტირაჟირებისათვის, მაგრამ ამასობაში გამოცემლობა დაიხურა და საჭმე ამას იქით აღარ წასულა. მალე ცნობილი მიზეზების გამო გერმანიასა და სსრკ-ს შორის ურთიერთობა ისე აირია, რომ გერმანიაში წიგნის გამოცემა კი არა, საშიშროების წინაშე აღმოჩნდა ყველა ის საბჭოთა მოქალაქე, ვისაც ოდესმე რაიმე კავშირი ჰქონდა ამ ქვეყანასთან.

გ. ჩუბინაშვილი იბუღებულ იქნა რუსულ ენაზე გაფშავებინა მონოგრაფია და იგი მოსკოვის გამოცემლობისათვის წარედგინა, მაგრამ აქ მას ხმალობლებული დახვდნენ წინამდებარე პუბლიკაციის პერსონაჟები. მკითხველი ადვილად შეამჩნევს, რომ მათი რეცენზიები არ არის მხოლოდ, ან სულაც არ არის. მეცნიერული ჭეშმარიტების დადგენის მცდელობა, რასაც ნათელყოფს გ. ჩუბინაშვილის დინჯი და აკადემური პასუხები მათ ბრალდებებზე. ჭეშმარიტება, როგორც ჩანს, არც მათ დამკვეთებს აინტერესებდათ, თორემ რეცენზენტებად ნაშრომისა, რომელშიაც ძირითადად ქართული მასალაა განხილული, ერთი ქართველოლოგი მაინც ხომ უნდა მოეწვიათ! აშკარაა, რომ ყველას ერთი მიზანი ამოძრავებდათ – ჩავდება, არდაბეჭდვა წიგნისა. მაგრამ ცხადად ჩანს ისიც, რომ რეცენზენტებმა შესანიშნავად იციან მისი ღირსებები, ავტორის არგუმენტაციის ძალა და განსწავლულობის, დიაპაზონი; იციან, რომ მასთან შეუძლებელია დავა-კამათი, გრძობენ საკუთარი პოზიციების სისუსტეს და ამიტომ – უჩივიან ამ „სსრკ ხალხთა შორის შუღლის ჩამომგდებს“, „ანტისაბჭოთა ელემენტს“. ბოლოსა და საკუთარი უძღურებისაგან გონდაკარგულებს მეცნიერება განზე რჩებათ. უჩივიან „ცეკაში“, უჩივიან იმ დროის უზენაეს ინსტაციაში.

ახლა გავიხსენოთ, რა დროა ეს! არათუ ხელმოწერილი ხაზივარი, ერთი „უბრალო“ „ანონიმკაც“ კი ხაზმარისა კაცის ვასაქობად, მით უფრო ისეთი ბიოგრაფიის მქონე და თანაც უპარტიო კაცისა, როგორიც გ. ჩუბინაშვილი

იყო. მას კი უჩივის არა რიგითი მოკვლავი, არამედ პარტიისა და მთავრობის აკადემიური აკადემიკოსი, უჩივის მამინ, როცა ფაშისტური გერმანიის კარზეა მომდგარი.

გ. ჩუბინაშვილი მინც გადაარჩა. ამბობენ ცნობილმა მეცნიერმა, გამორჩეულმა ერისკაცმა და დიდად გავლენიანმა პიროვნებამ გადაარჩინაო. გადაარჩინა ისიც და მისი ერთი უნივერესი, ასევე მძიმე ბიოგრაფიისა და უცხო გვარის მქონე მოწაფე, რომელსაც შემდეგ თვალსაჩინო წვლილი შეიტანა ქართული ხელოვნების კვლევის საქმეში. გადაარჩინა ბევრი სხვა ღირსეული მოღვაწეც.

1941 წ. კი ახლადშექმნილი საქართველოს მეცნიერებათა აკადემიის ინსტიტუტებს შორის ერთ-ერთი პირველი იყო ქართული ხელოვნების ისტორიის ინსტიტუტი, რომელსაც გ. ჩუბინაშვილი ჩაუდგა სათავეში. მალე ინსტიტუტი გახდა ეროვნული მემკვიდრეობის შესწავლის უთვალსაჩინოესი ცენტრი, გამორჩეული მკაფიოდ ჩამოყალიბებული მეცნიერული პრინციპებით, საქმიანობის ფარტო დიაპაზონით და კიდევ ერთი თავისებურებით, რომლის გახსენება დღეს განსაკუთრებით ფასეულია – თანამშრომელთა გასაოცარი ერთსულოვნებით და თანადგომით. იმთავითვე კალაპოტში მოექცა და მოწესრიგდა ბევრი რამ. გაჩნდა ინსტიტუტის შრომების კრებულები *Arts Georgia*. გამოვიდა გ. ჩუბინაშვილისა და მისი თანამშრომლების არაერთი ნაშრომი და მათ შორის ასე ნაწვავლები „გვარის ტიპის ძეგლებიც“, დაწერიდან მეთხუთხედი საუკუნის შემდეგ, რუსულად (ახლავს ვრცელი ფრანგული რეზიუმე), მაგრამ არა მოსკოვში, არამედ თბილისში.

ამტკველდნენ ჩვენი კულტურის ძეგლები. საბოლოოდ გაირკვა ქართული ხელოვნების არსი და რაობა. მისი გამორჩეული თავისებურებები, მრავალფეროვნება, ხანგრძლივი, უმდიდრესი და მწყობრი ისტორია საცნაური გახდა მტერ-მოგვარისათვის. ჰუმანიტატი მეცნიერული აზრი ქართული კულტურის შესახებ, სრულიად თავისუფალი კონიუნქტურული თუ ტენდენციური გადახრებისაგან, გაუჯდა ადამიანთა გონებას, რასაც არსებითი მნიშვნელობა ჰქონდა ეროვნული სულიერების მინავლებული ნაკვერცხალის გაღვივებისათვის.

ყოველივე ეს, არუ ქოწნული ღირსების გაცნობიერების წელი და სიღრმისეული მუხტი, ბუნებრივია, ფეოქებადი ხასიათისა ვერ იქნებოდა, მაგრამ როგორც მოსალოდნელი იყო, მინც გამომღავნდა, იფეოქა იმჟამინდელი ხელისუფლების უმწვევესი რეაქციის ხასით.

კომუნისტებს უტყუარი აღლო ჰქონდათ. მამინევე გრძნობდნენ საიდან ქოწნა მათთვის არასასურველი ნიაფი. ამჯერად გ. ჩუბინაშვილს იდეოლოგია დაუწუნეს. გაზეთში გაჩნდა ვრცელი სტატია სათაურით – „კულფლინიზმის ტყვეობაში“. „დაასაბუთეს“, რომ გ. ჩუბინაშვილი ფორმალისტია, რაც მომაკედინებელი ვანანჭი იყო არა მარტო პიროვნებისათვის, არამედ მთელი დარვისათვისაც.

მას მოფვა დისკუსია (1952 წ.), რომელზედაც ცკ-ს დავალებით მოლაპარაკე „სპეციალისტებს“ მიწასთან უნდა გაესწორებინათ გ. ჩუბინაშვილი და მისი ინსტიტუტი. სცადეს. აბრუნეს და ატრიალეს მათი სიტყვა და საქმე. რა არ

უწოდებს, რა არ დააბრალებს. ინსტიტუტის თანამშრომლები აკად. ვ. ბერიძის მეთაურობით იმდროისათვის სრულიად უჩვეულო გაბედულებით აღუდგნენ წინ ცილისმწამებლებს...

მე ამ დისკუსიის მხოლოდ მასალები მაქვს წაკითხული. არსებობდა მისი მსვლელობის სტენოგრაფიული ჩანაწერები, გადაბეჭდილი მანქანაზე და მოზრდილ ტომად აკინძული. ეს იყო ჩვენი იმჟამინდელი ყოფის ამაზრზენი და ამასთანავე მეტად დამახასიათებელი დოკუმენტი. იგი დაიწვა ინსტიტუტის შენობასთან და აქ დაცულ უძვირფასეს მასალებთან ერთად 1991-92 წლების თბილისში დატრიალებული ტრაგედიის დროს. შესაძლოა, კიდევ არსებობს სადმე ამ ჩანაწერების ეგზემპლარი. უნდა დაიძებნოს.

ის, რომ დისკუსიაზე ინსტიტუტელებმა გადაჭედული დარბაზის ერთსულოვანი მხარდაჭერით, უკიდურესად დამაბულ ვითარებაში, აშკარად ნათელყვეს ოპონენტების სრული უსუსურობა, საბოლოო სამთავრობო ვერდიქტის გამოტანისათვის არაფერს ნიშნავდა, მაგრამ სანთელ-საკმეველმა თავისი გზა მაინც პოვა. ხსნა სულ სხვა გზით მოვიდა, კარგად ცნობილი გლობალური მოვლენების გზით, რომლებმაც სათავე დაუდო სასიკეთო ცვლილებებს ყველა სფეროში და საგრძნობლად შიარყია კიდევ ის ჯოჯოხეთური სისტემა.

მომდევნო წლებში სწრაფად იმატა ინსტიტუტის გამოცემებმა. დაისტამბა ვ. ჩუბინაშვილის რამდენიმე ფუნდამენტური გამოკვლევა, რომელთაგანაც ერთ-ერთი გარკვეულწილად კვლავ ჯერის ტიპის ძველებს ეხება და მასზე მინდა ყურადღება შევაჩერო.

წიგნის სათაურია „სომხური არქიტექტურის ნარკვევები“. გამოვიდა 1967 წელს (რუსულ ენაზე). მასში დიდი ადგილი უჭირავს მცხეთის ჯვარის ტიპის სომხურ ძეგლებს. უფრო გაღრმავებულია მათ შესახებ ავტორის მიერ ადრე გამოთქმული მოსაზრებები. გარდა ამისა, საუწყებლანაად არის გამოკვლეული და ახლებურად დათარიღებული სომხური ბუროთმომღერების მრავალი ცნობილი ძეგლი, რომელთა უმეტესობა სხვა მკვლევართა ნაშრომებში, სათანადო არგუმენტაციის გარეშე, ერთად, მაინცდამაინც VII საუკუნეშია თავმოყრილი. ამ მიზანდასახულად ტენდენციური პოსტულატების კრიტიკა გახდა კიდევ ერთი მიზეზი ვ. ჩუბინაშვილის ოპონენტების გალიზიანებისათვის.

აქ არ არის ადგილი ვ. ჩუბინაშვილის მეცნიერულ კონცეპციებზე მსჯელობისათვის. ვიტყვი მხოლოდ, რომ იგი მთელი სიცოცხლის მანძილზე გატაცებით იკვლევდა სომხურ ხელოვნებას, იკვლევდა მასთან იმ პირველი კონტაქტების (1915 წ.) განწყობილებითა და შთაბეჭდილებით, რომლებიც მისთვის, მისივე სიტყვებით, „სრულიად დაუწიწარი“ შეიქნა.

სამოუხებოთ ვიხსენებს დღეებს, როდესაც სხვებთან ერთად ვ. ჩუბინაშვილის ხელმძღვანელობით საშუალება მომეცა შემოვზარა სომხეთში, კიდევ ერთხელ მეგრძნო ხიბლი სომეხი ხალხის უმდიდრესი კულტურული მემკვიდრეობისა და ამასთანავე, განძეკადა ის განსაკუთრებული სითბო და სიყვარული, რომელსაც ასხივებდა თითქმის ოთხმოც წელს მიტანებული მოზუციის (მუღამ მთა-ბარს გამოკიდებულს, სულაც არ უჭირდა ახალგაზრდებთან ფეხის აბმა) მზერა და

სიტყვა თითოეულ ძეგლზე, თუ როგორ დაუფასდა ზოგი კოლექცია-მეცნიერული მას ეს სიყვარული, ჩვენმა მკითხველმა კარგად დაინახა.

კვლავ ნახსენებ „სომხური არქიტექტურის ნარკვევებს“ დაუბრუნდები.

მისი ტექსტი, სადაც გადაკარგულში, რუსეთის ერთ პატარა ქალაქ ლუბერცში დაიბეჭდა, ილუსტრაციები თბილისში გამზადდა, შემდეგ დიდი წვალებით შეერთდა და აიკინდა. წიგნის გამოცემა მაშინ ასე არ ხდებოდა. არც ის იყო ბუნებრივი, რომ წიგნის ბეჭდვის პროცესში, მასზე არავინ არაფერს ამბობდა. თუ რატომ, გვიან გავივით. მიუხედავად მხოლოდ მაშინ, როცა ერთ მშვენიერ დღეს ინსტიტუტს მოადგა სამი უცხო (ჩვენთვის, ახალგაზრდებისათვის) პიროვნება მეზობელი რესპუბლიკიდან. სად ლუბერცი და სად ერევანი, მაგრამ მაინც შეუძლებელი... (იქნებ არც არის ძალად დასაწერი ის ჭარბი პატრიოტიზმი, რომელიც ჩვენს მეზობლებს ოდითგან მოსდევდა და, რომელსაც ჩვენ ხშირად ვერ ვგუობთ ხოლმე). ბ-ნ გიორგი თავაზიანად შეხვდა სტუმრებს, შეუძღვა ოთახში და რამდენიმე საათის განმავლობაში ესაუბრებოდა მათ. სტუმრებს ხან ხვეწნით, ხან მუქართაც კი უცდიათ დაესაბუთებინათ მისთვის, არ გამოეცა წიგნი. არადა, ახრი არ ჰქონდა არაფერს. წიგნის ძირითადი დებულებები უკვე კარგად იყო ცნობილი სამეცნიერო წრეებისათვის გ. ჩუბინაშვილის ცალკეული პუბლიკაციებით. მაშასადამე, სტუმართა უცნაური და უტაქტო ძალიანხმევა მიმართული იყო მხოლოდ მათთვის უსაიმოვნო მეცნიერული ტენზიონებთან გამეორების წინააღმდეგ. მაგრამ მოვიდა სეტყვა და დახვდა ქვა. ბ-ნი გიორგი სახვედრებელი გამოვიდა ოთახიდან. წიგნი გამოიკა.

აკად. გ. ჩუბინაშვილმა შემდეგაც გამოაქვეყნა რამდენიმე გამოკვლევა. მის არქივშიც დარჩა საინტერესო მასალები, მაგრამ აღნიშნული წიგნი, ვფიქრობ, მისთვის მთელი მისი სამეცნიერო მოღვაწეობის თავისებურ ნიშანს ეტყობა. ამათ მან დაასრულა საკუთარ ნაზრევთა პუბლიკაცია იმ პრობლემატიკაზე, რომელიც მას უშინშენილოვანესად მიაჩნდა და, რომელზედაც ფიქრი და გარჯა ახალგაზრდობიდანვე დაიწყო.

ველაფერი მოასწრო, ვველაფერი განასრულა, მაგრამ არა მხოლოდ წელთა სიმრავლის გამო (ვარდაიცვალა 1973 წ. 88 წლისა), არამედ უფრო იმით, რომ იყო გასაოცრად მიზანდასახული, მოწესრიგებული, მომთხონი საკუთარი თავის (და სხვების) მიმართ, ამასთანავე მომთმენი და მიძტვევებულიც. დიდად სულგრძელი ბრძანდებოდა საფუძვლიანი კრიტიკისადმი (ამის მაგალითები მეც მახსოვს), მაგრამ ისეთ უსამართლო და არაკეთილსინდისიერ კრიტიკას, როგორიც ამ კრებულშია წარმოდგენილი, არ აპატიებდა არავის.

წინამდებარე პუბლიკაციას, ვფიქრობ, ორგანიზაციის მნიშვნელობა შეიძლება ჰქონდეს. უწინარესად, ისტორიული, რაკი ისტორიისათვის კარგსაც და ცუდსაც ერთი ფასი აქვს, ხოლო შემდეგ მორალურ-მეცნიერებითი იმართვის, ვინც ამ ბოლო დროს უკადრისად და რაღაც გაუგებარი თინით ცდილობს თავისებურად ააღორძინოს ზემოთ მოთხრობილი „ისტორიები“. სამწუხაროდ, ასეთები კვლავაც არიან და არიან არა სხვაგან სადმე, არამედ ჩვენთან.

თამაზ სანიკიძე

Не раз доводилось мне слышать о довольно необычных ситуациях, связанных с изданиями трудов акад. Г. Н. Чубинашвили. Слышать от их автора, моего дорогого учителя, который изредка, в связи с какой-нибудь необходимостью вспоминал тот или иной эпизод, рассказывая характерным для него спокойным тоном, но с определенным раздражением. И это естественно, так как в жизни ему пришлось испытать немало неприятностей и, к сожалению, не только отмеченного порядка. Но преодолевая их и отстаивая свою точку зрения по вопросам воссозданной им стройной научной истории грузинского искусства, он всегда был принципиальным, стойким и непоколебимым.

О деталях этих событий я знаю больше от первых учеников Г. Н. Чубинашвили, представителей старшего поколения сотрудников основанного им Института истории грузинского искусства АН Грузии (в настоящее время носящего его имя). Они долгие годы стояли рядом с ним, с удивительной смелостью и единодушием защищая свои гражданско-патриотические и научные принципы. Среди них сразу же выделился акад. В. В. Беридзе, в воспоминаниях и других работах которого эти процессы изложены довольно подробно. Уже позже, в 60-е годы я и сам был свидетелем одного подобного факта. Но то, что удалось выявить известному арменологу, доктору филологических наук Бондо Арвеладзе, ни мне и, кажется, ни другим, известно не было.

Трудно и тяжело рождалось грузинское искусствоведение, как научная дисциплина, гораздо труднее, чем любая другая область научного грузиноведения.

В 20-х годах нашего века, когда молодой Г. Н. Чубинашвили начал свою научную деятельность, перед ним стояли две сложнейшие задачи. Во-первых, нужно было произвести отбор и классификацию огромного материала, собранного предыдущими учеными и самим Г. Н. Чубинашвили; глубокий анализ фактов и явлений; осмысление и формирование истории грузинского искусства, как единого феноменологического процесса; установление роли и значения отдельных видов искусства в культурной жизни народа; выявление особенностей художественного наследия Грузии, на фоне духовной культуры других древних народов мира и т. д. И во-вторых – отрицание необоснованных, порой явно предвзятых, но, к сожалению, довольно распространенных соображений некоторых зарубежных ученых о грузинском искусстве, всестороннее обоснование этого отрицания и, что немаловажно, широкое внедрение в научный обиход

правильных оценок. Хорошо известно, но я все же общей фразой повторяю, что обе эти задачи были блестяще выполнены Чубинашвили и его школой. Была полностью воссоздана научная история грузинского искусства. Тут же хочу добавить: то, что Г. Н. Чубинашвили удалось сделать, было следствием не только его выдающегося таланта, больших знаний, титанического труда. Все основывалось на его пламенной любви к своей стране и народу, генетически перешедшей к нему от его прославленных предков.

Из публикаций, унижающих достоинство грузинского искусства (по сравнению с армянским и византийским), основная – книга венского профессора И. Стриговского, вышедшая именно в 20-х годах на немецком языке. Г. Н. Чубинашвили ответил на нее разгромной рецензией, опубликовав ее на немецком же языке, что для него, как представителя лейпцигской школы, не представляло особого труда. Но ученый хорошо понимал и то, что рецензия, даже обширная, детальная и бескомпромиссная, не могла окончательно утвердить в науке желаемые поправки. Эту миссию могли выполнить лишь фундаментальные исследования, притом не любой области искусства, а именно грузинской средневековой архитектуры, так как во-первых - архитектура всегда была передовым видом древнегрузинского искусства, а во-вторых - и это естественно, – именно архитектура, в первую очередь, стала объектом нападков зарубежных исследователей.

Г. Н. Чубинашвили задумал выпуск ряда монографий о памятниках грузинской архитектуры на немецком языке, в 20-х годах уже подготовил два тома, но произошло нечто странное – был напечатан второй том – "Цроми и его мозаика" (1934 г.), а первый, касающийся Мцхетского Джвари, в течение десятилетий не мог увидать света. Думается, что основной причиной этого стало само содержание этих трудов. Если проблематика, связанная с храмом Цроми, была для некоторых менее болезненной, то Джвари, по Г. Н. Чубинашвили, радикально менял существующие постулаты, касающиеся вопросов истории не только грузинской, но и средневековой христианской архитектуры всего Переднего Востока, а еще шире – вопросов развития всей культуры большого региона в целом.

На основании всестороннего художественно-структурного анализа памятника, с привлечением надписей и исторических источников, дату строительства храма Джвари Г. Н. Чубинашвили определил 587-604 годами и этим поставил его во главе многочисленной группы грузинских и армянских памятников того же типа. Вместе с тем, он окончательно отбросил целую теорию почти столетней давности, но тогда еще не изжитую, о зависимости грузинской архитектуры от

армянской, выработанную швейцарским ученым-путешественником Дюбуа-де-Монпери, на основании явно ошибочной датировки Атенского Сиона. Г. Н. Чубинашвили с соответственной научной убедительностью доказал, что грузинские памятники – Атенский Сион, Мартвили, Дзвели Шуамта и армянские – Аван, Арамус, Рипсима, Таргмапчац, Адиаман, Сисиан исходят непосредственно от Мцхетского Джвари. Вместе с тем, он четко выявил архитектурные особенности и хронологическую последовательность данных сооружений и определил их место в историческом контексте. Работа еще раз подтвердила вывод автора о том, что "искусство Грузии той отдаленной эпохи, обладая вполне определенным, индивидуально очерченным характером, позволяет нам утверждать, что оно является самостоятельным представителем восточно-христианского искусства, рядом с другими и наравне с ними".

Установки Г. Н. Чубинашвили крепко утвердились как в грузинской, так и в мировой науке. Только для некоторых стали они неприемлемыми, в чем легко может убедиться читатель данной публикации. Но последуем за "заключениями" самого исследования.

В 1922 г. на грузинском и немецком языках вышла вводная часть труда, касающаяся малой церкви Джвари. А в 1928 г. в Германии началось печатание самой монографии. Был набран, а частично даже сверстан, весь текст, но дальше этого дело не пошло, ввиду ликвидации издательства. Вскоре, по известным причинам, отношения между Германией и СССР настолько ухудшились, что о возобновлении печатания книги не могло быть и речи. Более того, перед опасностью оказались все те граждане СССР, которые когда-либо имели какую-либо связь с этой страной.

Г. Н. Чубинашвили был вынужден подготовить монографию на русском языке и представить московскому издательству. Здесь ее встретили в штыки персонажи подлежащей публикации. Читатель может заметить, что их рецензии не являются попыткой установления научной истины, что ясно видно из академически сдержанных ответов Г. Н. Чубинашвили на их обвинения. Истина не интересовала и заказчиков этих рецензий. В противном случае, рецензентом работы, содержащей в основном грузинский материал, должны же были пригласить хотя бы одного грузиноведа! Очевидно, что все они вместе стремились только к одной цели - провалить издание, не напечатать книгу. Но ясно и то, что рецензенты хорошо знают все достоинства исследования, силу аргументаций и диапазон осведомленности автора, знают, что с ним трудно спорить, и поэтому... доносят на "этого разрушителя дружбы между народами СССР". "На антисоветского

элемента". Потерявшие равновесие от зависти и от собственного бессилия, доносят в ЦК, доносят в высшую инстанцию того времени

А теперь вспомним, когда все это происходило! Не только подписанная "жалоба", но и "простая" анонимка достаточна для бесследного исчезновения человека, тем более человека беспартийного и с такой биографией, как у Г. Н. Чубинашвили. Притом на него доносит не простой советский гражданин, а находящийся в почете у партии и правительства – академик, и доносит тогда, когда фашистская Германия приближается к границам СССР.

Г. Н. Чубинашвили не пострадал. Говорят, что его спас известный ученый, истинный патриот и влиятельный человек, спас и его талантливую ученицу, имевшую также "неблаговидную" биографию, более того, "подозрительную" фамилию, которая впоследствии внесла неоценимый вклад в изучение грузинского искусства.

А в 1941 г. была организована Академия Наук Грузии и в ее системе, одним из первых, основан Институт истории грузинского искусства, уникальный в СССР, а может быть, и в мировом масштабе, научный центр изучения национального искусства, во главе с Г. Н. Чубинашвили. Появились сборники трудов Института - *Argis Georgica*, а также отдельные работы Г. Н. Чубинашвили и его учеников, в их числе "многострадальная" двухтомная монография "Памятники типа Джвари", через четверть века после написания, на русском языке (с развернутым французским резюме), но не в Москве, а в Тбилиси.

Заговорили грузинские памятники. Окончательно определились сущность и ценность грузинского искусства. Его выдающиеся особенности, многообразие, долгая, богатая и последовательная история стали доступны для многих. Правдивая научная мысль о грузинской культуре, свободная от тенденциозных или конъюнктурных перегибов, вышла на широкую арену, сыграв значительную роль в деле воспламенения притухшего огня национального духа.

Все это способствовало глубинным процессам пробуждения чувства национального достоинства, которое, разумеется, не могло иметь взрывообразного эффекта, но, как и следовало ожидать, проявилось, взорвалось в виде острой реакции тогдашних властей. Коммунисты никогда не жаловались на остроту своего чутья. Всегда хорошо знали, откуда дует для них неблагоприятный ветер. На этот раз им не понравилась идеология Г. Н. Чубинашвили, и напали на него с привычным для них остервенением. В газете была напечатана обширная статья под заглавием "В плену вельфлинизма". "Определили", что Г. Н. Чубинашвили является формалистом, и это было строгим приговором не только для личности, но и для целой области национальной науки.

Последовала дискуссия (1952 г.), на которой "специалисты" по заданию ЦК, должны были разоблачить Г. Н. Чубинашвили и его институт. Попытались. Покрутили и повертели их слова и дела. Как только не обозвали их, в чем только не обвинили. Сотрудники Института во главе с акад. В. В. Беридзе, с удивительной для того времени смелостью, выступили против клеветников...

Я знаком с материалами этой дискуссии только по стенографическим записям всего процесса, отпечатанным на машинке и собранным в виде объемистого тома. Это был возмутительный, но характерный документ того времени. Он стorer вместе со зданием Института и хранившимися в нем уникальными материалами во время известной тбилисской трагедии 1991-92 годов. Возможно, где-то еще существует экземпляр этих записей.

То, что сотрудники Института во время дискуссии, при единодушной поддержке переполненного зала, в предельно напряженной обстановке доказали полное невежество своих оппонентов, для окончательного правительственного вердикта не означало ровным счетом ничего. Спасение пришло вслед за глобальными процессами в государственном масштабе, вызвавшими благоприятные изменения во многих сферах и довольно чувствительно ослабившими фундамент той адской системы.

В последующие годы быстро умножились институтские издания. Были напечатаны фундаментальные труды Г. Н. Чубинашвили, среди которых один частично вновь касается памятников типа Джвари. Имеются в виду "Разыскания по армянской архитектуре" (1967 г.), в которых суждения автора об отмеченных памятниках расширены и углублены. Вместе с ними в труде, с характерной для Г. Н. Чубинашвили тщательностью, исследованы и передатированы и другие известные памятники Армении, большинство из которых, в работах других ученых, сгучены вместе - в VII веке. Разрушение этих, совершенно необоснованных и тенденциозных определений стало еще одной причиной раздражения оппонентов Г. Н. Чубинашвили.

Здесь нет места для изложения концепции Г. Н. Чубинашвили. Скажу только, что он в течение всей жизни с увлечением занимался исследованием армянского искусства, занимался под впечатлением первого (в 1915 г.) с ним контакта, ставшим для него, по его же словам, "совершенно незабываемым".

С удовольствием вспоминаю путешествие по Армении с группой под руководством Г. Н. Чубинашвили, когда удалось еще раз почувствовать всю прелесть богатейшего культурного наследия армянского народа и, вместе с тем, быть свидетелем тепла и любви, восторженных слов и взгляда почти восьмидесятилетнего старца о

каждом памятнике. Как была оценена эта любовь некоторыми нашими коллегами, наш читатель хорошо увидел.

Но вернемся к отмеченной книге. Ее текст отпечатан в подмосковном городе Люберцы, иллюстрации - в Тбилиси, а для их объединения в большой том потребовалось немало усилий. Тогда это было фактом не очень обычным. Не выглядело естественным и то, что в процессе печатания книги, то есть на протяжении довольно длительного времени, о ней никто ничего не говорил. Причину этого мы осознали лишь тогда, когда в один прекрасный день в Институт пожаловали три незнакомца (для нас, молодых) из соседней республики. Кто-то заметил – далеки Люберцы, но не от Еревана! (Возможно, не так уж плох этот "избыточный" патриотизм, который для наших соседей, испокон веков, был своеобразным щитом и который в нас часто вызывает какую-то неприязнь.) Георгий Николаевич вежливо встретил гостей, пригласил их в комнату и в течение нескольких часов беседовал с ними. Оказывается, гости то просьбами, то даже угрозами постарались убедить его не издавать книгу, хотя все это не имело никакого смысла, так как основные положения исследования уже давно были известны в научных кругах по отдельным публикациям ученого. Следовательно, бессмысленные и бестактные старания гостей были направлены только лишь против повторного появления неприятных для них научных истин. Но нашла коса на камень. Георгий Николаевич вышел из комнаты нахмуренный. Книга была издана.

Акад. Г. Н. Чубинашвили и в дальнейшем опубликовал несколько работ. В его архиве также остались интересные материалы. Но указанная книга стала для него определенной вехой в его научной деятельности. Ею он завершил публикацию своих изысканий по проблематике, над которой думал и трудился с молодых лет.

Все успел, все завершил, но не только по причине долголетия (скончался в 1973 г. в возрасте 88 лет), а в основном тем, что был удивительно целенаправленным, организованным, требовательным к себе (и к другим) и вместе с тем – терпеливым и прощающим. Обоснованная критика вызывала в нем только одобрение. Но такую несправедливую и недобросовестную критику, как представленная в этом сборнике, он не прощал никому.

Настоящая публикация, мне думается, может иметь двойное значение. Прежде всего – историческое, так как хорошее и плохое для истории имеют одинаковую цену, а потом – морально-познавательное для тех, кто в последние годы, с какой-то непонятной злобой стремятся по-своему возродить изложенные выше "истории". А таковые сегодня есть, и, к сожалению, есть не где-нибудь, а у нас.

Т. Саникидзе

შესავალი	5
ა. იაკობსონი, По поводу работы Г. Н. Чубинашвили "Памятники джварского типа"	19
ბ. ტოკარსკი, Отзыв о работе Г. Н. Чубинашвили "Памятники джварского типа"	23
ო. ორბელი: В редакционно-издательский совет Академии Наук Союза ССР	35
Ответ акад. Г. Н. Чубинашвили	46
რედაქტორისაგან	62

K313.148
3

3
3